

От редакции: В одном из номеров журнала «Сибирь» редакция опубликовала первый очерк Михаила Орфанова, сибирского писателя-очеркиста XIX века, «Вояж сибирского купца. Из путевых воспоминаний», а ныне публикуем несколько очерков талантливого сибирского бытописателя. В первом номере журнала предваряет публикацию предисловием Николай Блохин, который и открыл для журнала некогда известного читающей Сибири, а ныне забытого очеркиста.

* * *

Под этим общим заглавием мы предлагаем читателям ряд рассказов или, вернее, очерков, которые будут все посвящены описанию различных типов ссыльного люда и дальнейшей судьбы их в ссылке. Так как мы описываем только то, что непосредственно видали и наблюдали, то не наша вина, если влияние ссылки в одном случае окажется совершенно противоположным, чем в ином, т. е. если на одних ссылка оказывает благотворное влияние, вызывая в человеке энергию, желание подняться хоть до уровня окружающих его свободных людей, в других же оно окончательно добивает и тот малый запас честности, искренности и энергии, с которым данный субъект прибыл в ссылку. Мы воздержимся от всякого рода выводов и обобщений, ограничившись скромною ролью бытописателя.

I

Из «золотой молодежи»

В 187* году, в И-е, обращал на себя общее внимание так называемого «порядочного общества» один недавно прибывший из Петербурга молодой человек Лев Сергеевич Бойцов. Это был высокий красавец-блондин, с великолепными бакенбардами, с которыми он как-то особенно умел обращаться, так что они необыкновенно шли к его молодцеватой, изящной фигуре и составляли немалый предмет зависти для наших местных львов, как военных, так и штатских. Прибыл он из Петербурга по делам: обладая хорошими средствами, он, по его словам, совершенно случайно встретился с одним из своих товарищей по корпусу, долго прожившим в Восточной Сибири, в качестве управляющего приисками одной выдающейся золотопромышленной компании. В дружеских беседах товарищ его, рассказывая про сибирское житье-бытье, сетовал на недостаток предприимчивости и инициативы у местных капиталистов, привел несколько примеров, показывающих, как трудно в Сибири привлечь капиталы к новому делу, несмотря на очевидную его выгоду, и, между прочим, рассказал, что он тщетно, несмотря на свои знакомства в коммерческом мире, старался устроить компанию для освещения И-а, где оно до сих пор находится в самом печальном состоянии. По словам его, дело это представляет несомненные выгоды, и что он, если бы не нездоровье его жены, лечение

которой требует долговременного пребывания за границей, непременно постарался бы устроить компанию в Петербурге. Мысль эта запала в голову Льва Сергеевича, человека в это время свободного, так как он только что вышел в отставку с чином поручика из одного из старейших гвардейских полков, именно с целью удобнее поместить свои средства в какое-нибудь солидное предприятие. К тому же и новизна края сильно манила его, человека молодого, сильного, энергичного к попытке взять и-е дело на себя.

Приехав в И., он только одни сутки пробыл в лучшей тамошней гостинице, употребив почти целый день на розыски подходящей квартиры.хлопоты его увенчались желанным успехом: в центре города, в одной из улиц, пересекающих главную улицу, так называемую «Большую», неподалеку от нее, он нанял премиальную квартиру из четырех комнат, с кухней внизу, с конюшней и сараем на дворе.

Кое-как устроившись, прикупив мебели, наняв по рекомендации хозяина гостиницы (поляка из сосланных за повстание шестидесятых годов) приличного лакея и получив из литографии свои визитные карточки с городским адресом (это тогда была новость для И-а), на третий день поехал с неизбежным в провинции, а в Сибири в особенности, визитом к выдающимся городским обывателям. Начал он с генерал-губернатора, к которому явился в приемный час вместе с массой разных представлявшихся или откланивавшихся офицеров и чиновников, а также и частных лиц, имевших какое-либо дело до главного начальника края. Представляясь генералу, он тут же объяснил причину своего приезда в И. и просил милостивого содействия его высокопревосходительства. Последний принял его весьма ласково и помимо того, что обещал свою помощь в таком важном, по его мнению, деле, как городское освещение, тут же пригласил Льва Сергеевича к себе, «как-нибудь на днях, вечером, пообстоятельнее потолковать об этом деле». То же или почти то же было с Львом Сергеевичем у губернатора, у членов совета главного управления Восточной Сибири и других местных административных тузов. При одном из этих визитов он встретился с адъютантом генерал-губернатора ротмистром Чемякиным, которого он знал еще будучи на службе в Петербурге, и по совету последнего, знавшего уже основательно нравы И-а, отложил визиты к купечеству и золотопромышленникам до другого дня, с тем, чтобы делать их вместе с Чемякиным: будучи со всеми знаком, Чемякин, конечно, был для него дорогим человеком. В первый же после своих визитов праздничный день Лев Сергеевич, приехав домой часов в пять после обеда, имел удовольствие увидеть у себя на столе массу карточек: это означало, что все те, которые оставили карточки, этим самым заявляли о полном своем желании поддерживать знакомство с Бойцовым. Согласно провинциальному этикету, это давало ему право приехать уже запросто, вечером, в любой из этих домов.

Лев Сергеевич широко воспользовался этим правом: не прошло и двух недель со времени его приезда, как он успел уже занять амплу первого льва, и не было званого вечера, обеда или загородного пикника без его деятельного участия. Лучшее его никто из молодых людей не танцевал; шансонетки и отрывки из опереток, которые он мастерски исполнял и по-русски и по-французски, вызывали обыкновенно единогласное и даже бурное одобрение. У своих новых знакомых, людей более или менее состоятельных, он стал очень скоро «своим человеком» до того, что даже поваров учил новым, каким-то необыкновенно пикантным, кушаньям. Выражаясь фигурально, «звезда его взшла высоко» на и-м горизонте. Барыни

и барышни были от него в восторге. Отцы и матери были с ним очень ласковы: «Он такой милый, такой веселый и в то же время не вертопрах! Служа в лучшем гвардейском полку, кружась в лучшем обществе Петербурга, он сумел вовремя остановиться и принялся за серьезное дело. Теперь таких редко встретишь». Словом, Лев Сергеевич сделался баловнем общества. Одно только его несколько огорчало, это «невозможность скоро переписываться с Петербургом, где проживали его компаньоны по предприятию; мало ли возникало вопросов при обсуждении с представителями города об устройстве этого, в высшей степени важного для города дела?» Обо всем «мало-мальски серьезном» ему приходилось писать в Петербург, потому что он, «несмотря на полное доверие своих компаньонов, не хотел брать на себя нравственной ответственности за какое-нибудь упущение в контракте, могущее вовлечь, хотя бы и в ничтожные, убытки компаньонов», а «почта так медленно ходит. Чтобы получить ответ на письмо, нужно, по крайней мере, два с половиной месяца». При подробной разработке проекта выясняется то одно, то другое обстоятельство, не предусмотренное его товарищами. Такого рода объяснения слышали знакомые от Льва Сергеевича, если кто-нибудь, вопреки деликатности, обращался к нему с наивным вопросом:

— Ну, что, батенька, как у вас с нашей думой идет по освещению-то? Уж не тормозят ли?

— Что вы, что вы, да таких милых людей, как ваши думские, нужно еще искать! Они очень сочувственно относятся к моему проекту, да видите ли какие возникают затруднения... — И Лев Сергеевич начинал свои жалобы на расстояние и проч.

Жил он таким образом, что-то около года, совершенно открыто; вечера у него все нарасхват. Что такое обед дома или в гостинице — он и понятия не имел, быв постоянно завален приглашениями, не исключая и губернаторского дома. Одевался безукоризненно, участвовал во всех пикниках и подписках, не отставал ни в чем от «порядочного общества». Иногда задавал у себя «холостые» пирушки, однако не без женского персонала, доставать который он умел, по его словам, «со дна морского» и который он удивительно скоро культивировал. На таких пирушках портер и шампанское, часто пополам с «fine champagne», играли главенствующую роль и уничтожались в весьма солидных размерах. Постоянно участвуя с Бойцовым в пирушках и попойках, никому из собутыльников его и в голову не приходил вопрос: «На какие же средства мог он это проделывать?» — «Раз человек заявил себя «порядочным», какие же тут вопросы!»

Надо тут отметить одну характерную черту сибиряков состоятельных: они чрезвычайно падки до приезжих молодых людей, и последним очень нетрудно добиться у них кредита, и кредита немаленького; а только приезжий «лев» принят «порядочным» обществом, то отказать ему в небольшой сумме считается как-то «неловким». Черту эту Лев Сергеевич подметил очень скоро и эксплуатировал ее мастерски: встретившись, например, с кем-нибудь из приятелей в клубе, он небрежно, показывая вид, что ему это не существенно важно, кидал на ходу, так сказать, фразу:

— Не богат ли ты *сегодня* капиталом?

— А что, разве нужно?

— Нужно-то не особенно, да вдруг придется за карты засесть, а у меня до послезавтра всего-навсего рублей триста *свободных*, — нужно, значит, маленький резерв...

— Сделай милость, сколько?

— Пустяки, рублей сто-полтораста, — словом, перевернуться дня два-три...

— Есть о чем говорить! Через три дня отдашь, через месяц, — мне все равно. Получай!

Лев Сергеевич брал эти «пустяки» так, как он взял бы предложенную ему папиросу, не глядя опускал в карман и, едва успев пробормотать что-то вроде «спасибо», уже заговаривал с другим знакомым, на другую совершенно тему, например о необходимости выписки в Восточную Сибирь племенных жеребцов и об устройстве случных конюшен и т. д. в том же роде. Через два-три дня он заезжал к своему кредитору — так, навестить, поболтать кое о чем, и, уже прощаясь, вдруг вспоминал:

— Вот, черт возьми, совершенно из памяти вон! Помнил, выезжая, что мне нужно с тобою по делу поговорить, а забыл! Ведь я твой должник, — смеясь и доставая свой бумажник, говорит он, — получи-ка! Обрати внимание: «новенькие», только что получил из банка перевод, — и он отсчитывал не перегнутыми бумажками свой долг, не внимая увещаниям хозяина, что «это можно после», «над нами, благодаря Бога, не капит», «авось еще свидимся» и т. д.

Но Лев Сергеевич был непреклонен и, несмотря на отговорки хозяина, всучал ему свой долг не позже обещанного срока. Такою аккуратностью он получил репутацию человека со средствами, серьезного и делового, и с помощью ее вертелся как белка в колесе: чтоб отдать вовремя одному, он занимает вдвое большую сумму у другого; чтобы заплатить последнему, он занимал у третьего, постепенно возвышая сумму займа, и к концу своего пребывания в И-е он, незаметно для своих многочисленных кредиторов, задолжал более десяти тысяч рублей. Всякий из дававших ему получал с него уже несколько раз, всегда в срок, и был убежден, что Бойцов должен только ему одному, и что он всегда может заплатить по первому требованию.

Долго бы еще продолжал он так жуировать, если бы не случилось одно крайне прискорбное происшествие. Приятель его Чемякин, попавший из адъютантов генерал-губернатора в полицеймейстеры, должность весьма выгодную и почетную в И-е, получил для исполнения, чрез огорченного губернатора, из Петербурга бумагу, в которой говорилось приблизительно следующее: «До сведения подлежащего начальства дошло, что лишенный некоторых прав состояния, за растрату казенных сумм, бывший поручик N-ского полка, лишенный чинов и орденов, Бойцов, сосланный по судебному приговору на житье в И-ю губернию, вопреки судебному решению проживает в самом городе И-е, причем выдает себя за вышедшего добровольно в отставку офицера. Ставя на вид вашему превосходительству подобное послабление ссыльным, покорнейше прошу распорядиться немедленной высылкой Бойцова в один из окружных городов вверенной вам губернии или Забайкальской области и т. д...»

Велико было смущение интимных друзей Льва Сергеевича, ранее других узнавших неприятную истину, т. е. губернатора и полицеймейстера. В первую минуту они до того растерялись, что потеряли, что называется, голову, да и было отчего: полицеймейстер был его восприемником, так сказать, в губернском бомонде, а губернатор, как слухи шли, собирался выдать за него свою племянницу, и вдруг такой удар: ссыльный за растрату! Лишенный чинов и орденов!

Когда первое впечатление несколько прошло, они порешили так: негласно предупредить Бойцова, чтоб он, под предлогом какого-нибудь внезапно предста-

вившегося дела, уехал тотчас же за Байкал, а они уже постараются распустить по городу слухи о важности этого дела и о его неотложности, чем и объяснят полную невозможность для Бойцова остаться некоторое время в городе для исполнения обычного этикета — делания прощальных визитов — и принесут за него его искренние извинения перед многочисленными его друзьями.

Таким образом они думали избегнуть огласки хоть на первое время. Не прибегнуть к этим мерам им обоим было невозможно, ибо происшествие это, по справедливости, могло дать обильный материал для «зубоскальства и глупых острот разных шалопаев», как выражались эти почтенные администраторы. И действительно, положение их было чрезвычайно комичное. Главные представители губернской полиции очутились главными пособниками в обмане целого города каким-то «проходимцем».

Вечером того дня Чемякин разыскал где-то Льва Сергеевича, улучил минутку и один на один передал ему вкратце содержание неприятной бумаги, выразительно подчеркнув, что немедленный отъезд его необходим, так как если этот факт огласится, то его превосходительство вынужден будет прибегнуть к более формальному образу действий относительно Бойцова, что, вероятно, для него не желательно.

Тот на мгновение смутился, но, быстро оправившись, проговорил:

— И чего так поторопились сообщить об этом вам теперь? Действительно, меня осудили на житье к вам, но мне дали слово, и положительно обещали высокопоставленные особы, что не пройдет и года, как я получу полное прощение, и только потому я умолчал об этой неприятности. Мне и самому в высшей степени важно избежать огласки, потому что родные мои и знакомые петербургские тоже ничего не знают. Но когда же мне поехать и куда?

— Генерал думает, что лучше бы всего вам направиться к г. М-ву, на Кару, — вы с ним хороши. Кроме того его превосходительство дал мне для вас письмо к нему, да и предлог отличный: там теперь кончаются сроки контрактам на поставку для ссыльных и батальона пищи и вещевого довольствия на огромную сумму, что-то около 400.000 руб. на год, — вот мы и распустим слух, что вы случайно узнали о имеющих быть торгах на этот подряд и, как человек деловой (тут полицеймейстер вздохнул, — он вспомнил свои пятьсот рублей, с неделю им данные займы «деловому человеку»), опасаясь пропустить срок, мгновенно собрались и поехали... Вы, с своей стороны, будете если сюда писать, рассказывайте то же, а то согласитесь: положенье губернатора и мое — самое глупое!

— Так вы думаете, что самое лучшее это мне уехать сейчас же, ночью?

— Да, да, конечно.

— Но, признаться, так скоро я тронуться с места не могу: у меня теперь в кармане почти ничего нет, — проговорил Бойцов, сразу смекнувший, что на прощанье вполне возможно еще малую толику содрать с попавших в яму администраторов. — Ведь на дорогу нужно по крайней мере триста рублей, а у меня не наберется и двадцати пяти...

— Гм... — только и мог произнести несколько оторопевший Чемякин, думая про себя: «Что это за бестия? И где у меня глаза были, когда я его как дурак представлял в «первых домах» города, как старого приятеля и богача! Придется еще дать, только бы уехал». — Ну, какое же триста, тут всего сто, а полтора за глаза хватит... А приедете к г. М-ву, жизнь ничего не будет стоить вам; пожалуй, и прощение скоро подоспеет, вы и поправитесь...

— Да вы забываете, что у меня и этих полуторасот нет! Нельзя же, наконец, приехать, — положим, и к хорошему знакомому, — без копейки в кармане. Мало ли что может случиться в дороге? Решительно менее трехсот нельзя и думать двигаться; завтра я постараюсь достать, а к вечеру уеду.

— Хотите, я вам за мебель дам триста, хоть сейчас? Вы и поезжайте теперь же, — думая хоть на этом вернуть сколько-нибудь, любезно предложил Чемякин.

— Голубчик мой, я ее давно уже утилизировал! Она принадлежит теперь Гейману; знаете портного жида на Большой улице? Уже с месяц, как я заложил ему ее.

— Тогда мы так сделаем: вы поезжайте в собрание и ждите меня там, а я поговорю с губернатором и явлюсь туда. Смотрите, ждите же меня и о разговоре нашем — ни гу-гу! Для вас же это необходимо.

Чемякин скоро собрал триста рублей: сто дал губернатор, пятьдесят — он сам и полтора ста — голова, бывший в гостях у губернатора, один из самых близких приятелей Льва Сергеевича, которому они также нашли необходимым сообщить прискорбную новость. При этом выяснилось, что Лев Сергеевич ему должен три тысячи с чем-то... Несмотря на это, он любезно предложил 150 руб., но с условием, чтобы Бойцов ночью же и уехал.

Лев Сергеевич, получив деньги и письмо к М-ву, от души поблагодарил Чемякина, и провожаемый им и еще одним из клубных завсегдатаев, в ту же ночь уехал из И-ка, поручив покончить с квартирой, человеком и мебелью тому же Чемякину. «А то, знаете, скандал может обнаружиться, если я ночью стану будить хозяина да рассчитывать с ним». Скрепя сердце, и этот расчет принял на себя Чемякин. Только уезжай!

Благодаря хитрому плану и тайне, которую свято хранили его изобретатели, история эта долго не была известна в городе; получаемые от Бойцова письма подтверждали слух о том, что он намерен взять подряд на Кару, и только кредиторы его несколько скучали по Льве Сергеевиче: «пора бы, мол, и послать,— не бог весть какие деньги!» Но Бойцов и сам пользовался малыми размерами долгов, чтобы в письмах оправдывать свою неаккуратность. «Все собираюсь сам к вам, добрейший М., да все делишки держат, а по почте пересылать такой пустяк не стоит; вероятно, на днях урвусь как-нибудь сам к вам» и проч.

Дальнейшая же судьба Бойцова была такова: исчезнув так внезапно из И-а, он очутился прямо на Каре, где в то время заведующим ссыльнокаторжными был некто полковник М-в, описанный нами в одном из прежних рассказов [См. «В дали». Очерки вольной и невольной жизни, с предисловием О.В. Максимова, со. М.П. Орфанова (Мишля). Москва. 1883 г. Рассказ «Из дневника бывалого человека», стр. 341–348.]. Принятый, благодаря прежнему личному знакомству по И-у, а главное — письму губернатора, очень радушно, Лев Сергеевич очень скоро ориентировался в новой, совершенно незнакомой ему сфере деятельности и, благодаря непрерывному, беспробудному пьянству М-ва, сделался — не официально, а фактически — заведующим каторжными. Здесь о его деятельности мы, к сожалению, имеем два разноречивых показания: одно, более склоняющееся за него, говорит, что он был чужд тех мерзостей и воровства казенного имущества, которые так процветали на Каре при директоре М-в, и обвиняют Бойцова лишь в том, что он, зная все, живя вместе с М-м и имея хорошее чиновное знакомство в И-е, ни разу не протестовал против действий М-ва и не сообщал в И. о безобразиях, творимых последним; другие же к этому с уверенностью добавляют, что он не только *все* знал, но и во *всем* участвовал, пользуясь неограниченным доверием

вечно пьяного, но и вельми жаждущего «приобрести» М-ва. Через полтора года он исчезает так же внезапно из Кары, как некогда исчез из И-а; причиной, как передавали лица, бывшие в то время на Каре, было ожидание ревизии «управления нерчинскими ссыльнокаторжными», в котором он, несмотря на то, что сам был сосланным, играл главную роль, и кроме того у него с М-м произошла, в пьяном виде, ссора, дошедшая, как кажется, до потасовки.

Спустя год после исчезновения блестящего гвардейца с грязного, воровского горизонта каторги, где не считалось стыдом и грехом присваивать последний арестантский грош, мы его встретили невзначай опять, но в совершенно иной обстановке: плывя на пароходе по Шилке с Усть-Кары в Стретенск, мы были крайне удивлены, увидав на рубке, в шведской лайковой куртке, во флотской фуражке, знакомую нам красивую, сильную фигуру Льва Сергеевича Бойцова, отдающего своим зычным голосом команду матросам.

Из расспросов в буфете оказалось, что Бойцов уже вторую навигацию служит в Амурской паровой Б¹ и, прослужив первое лето помощником капитана, теперь получил чин капитана и считается самым лихим, исполнительным капитаном, получая весьма приличное содержание — около пяти тысяч в год!

Зная его еще по И-у, во времена его успехов в обществе, когда он задавал всей молодежи тон, и зная всю его историю, мы было не хотели возобновлять знакомство, не желая отравлять своим видом настоящие, видимо счастливые, минуты его жизни, но он сам узнал, тотчас же подошел и поздоровался без тени какого-нибудь смущения. Уже вечерело, на реке делалось сыровато, и он, любезно пригласив к себе в капитанскую каюту, потребовал пуншу, за которым беседуя, мы провели время до глубокой ночи. Он уверял меня, что теперь, трудясь с утра до ночи, он чувствует себя превосходно, и если бы действительно пришло разрешение вернуться ему на родину теперь, он все равно не расстался бы с Сибирью. «Здесь у вас люди живут, — понимаете ли? — люди, а не деревяшки, как у нас в Питере. Здесь понимают, что если человек и мог в жизни сделать какую-нибудь неловкость, даже больше — пакость, то это еще не значит, что он обречен всю свою жизнь только и заниматься, что пакостями. Во время моего двухлетнего плавания по Амуру я встречал многих из и-в, которым я задолжал черт знает сколько и которых обманул самым бесцеремонным образом, — и что же вы думаете? — Не только упрека или напоминания о долге, но, могу вас уверить, встречал только искреннюю радость и поздравление, что наконец я солидно пристроился и не бил баклуши. Тоже ни слова и о пресловутом моем проекте освещения И-а, как будто ничего и не было! Это — люди».

Не знаю, может быть и пунш имел тут свое влияние, размягчив мое сердце, но я лично убежден в искренности его исповеди.

Еще год спустя я услышал, что он женился на сибирячке, дочери одного купца, простенькой, но очень хорошенькой девушке, и живет совсем «по-хорошему».

II

Генерал от коммерции

Банковские, акционерные и иные крахи недавно, сравнительно, стали у нас на Руси заурядным, будничным явлением; еще очень недалеко то время, когда по-

¹ Публ. по: Мишла. Сибирские колонизаторы // Русская Мысль. — 1883. — кн. IX.

добный единичный случай вызывал целую бурю толков и комментариев не только в журналистике, но и в обществе. Все сколько-нибудь образованное, грамотное живо интересовалось как ходом самого дела, так и его финалом. Всюду слышалось негодование на возмутительную нашу халатность, на мазурнически составленные уставы разных учреждений, предоставлявших полную возможность ловкому «дельцу» урвать круглый куш сравнительно безнаказанно, ибо еще вопрос, где лучше жить: в Киеве ли, положим, на директорском окладе в 6—10 тысяч рублей в год, или же в Томске или Иркутске, имея «запасного капитала» тысяч триста — пятьсот чистенькими? Может быть, это и был «вопрос» для кого-нибудь, думающего, что и честное имя имеет свою ценность, но для нашего героя Семена Симхи Цукеркопфа, или, как значилось на его визитных карточках, Семена Семеновича Кнопфа, знающего основательно практически арифметику до «правила товарищества» включительно, тут не могло и быть «вопроса».

Маленький черненький жиденок неведомо какими путями очутился внезапно директором банка в К-е. Нечего и говорить о его радости: он весь сиял и в самое короткое время отпустил себе брюшко, по которому прихотливо извивалась массивная золотая цепочка с целой коллекцией брелоков. Тогда-то он из Семена Симхи Цукеркопфа превратился в Семена Семеновича Кнопфа. Не подумайте, что он крестился, — нет, просто самовольно стал так называться при новых знакомствах, подписывать частную переписку и, как мы уже видели, и карточки такие завел; он добился того, что постепенно даже близкие знакомые стали называть его Семеном Семеновичем. Жил он припеваючи года полтора, вечно веселый, довольный собой, беспечный, и никто, конечно, не думал, что он с первого же дня своего директорства начал подумывать о лучшем способе приобретения «запасного капитала на черный день».

Однажды, по делам банка, ему понадобилось съездить в Петербург месяца на два, и накануне он задал приятелям развеселую пирушку, на которой первый тост был, конечно, за процветание банка и за успех того дела, по которому ехал хлопотать *herr* Кнопф, как его величали многочисленные клиенты, колонисты-немцы.

Никто из провожавших не предполагал, что он видит милейшего, гостеприимного Семена Семеновича в последний раз; однако, так вышло, — то есть видеть-то они его увидели, но при какой обстановке!... «Бедный» Семен Семенович сидел на скамье подсудимых, а их, провожавших его некогда в Питер с таким весельем, вызвали поголовно в суд — кого в качестве «прикосновенного» лица, кого свидетелем. *Sic transit...* и проч.

Случилось это так: остановившись в Питере в Знаменской гостинице, Семен Семенович деятельно стал приводить в исполнение давно обдуманый план, не предвещавший ему в будущем ничего, кроме денег, денег и денег... Проще сказать, он при участии нескольких лиц, большею частью евреев же, стал переделывать билеты и свидетельства своего банка таким образом, что из сторублевого с прибавлением одного нуля выходил у него тысячерублевый; из последних тем же способом фабриковал десяти тысячные и т. д., и дело шло так успешно, что он начал уже помышлять о конце этого предприятия, но не успел: один из участников, нажив тысяч тридцать на этой операции, решился, для спасения своей шкуры, предать благодушного Семена Семеновича, и, по его указаниям, в номер к Семену Семеновичу нагрянула полиция как раз во время процесса подделки бумаг. Всех арестовали. Долго тянулось следствие, которое, между прочим, открыло интересное обстоятельство, свидетельствующее о замечательной предусмотрительности

нашего героя; едва поступив директором и рассматривая устав банка, он нашел, что может, на основании его, сразу взять хорошие деньги, что, конечно, и исполнил.

Относительно учета векселей в уставе, между прочим, было сказано: представленный к учету вексель купца, хотя бы временного по 1-й гильдии, если на нем есть бланк такого же купца, хотя бы и другого города, банком принимается без затруднения. Сразу сообразив, «как это понимать нужно», помчался Семен Семенович в родные Палестины: Шилов, Бердичев, Минск и другие и внес за разных Мошек, Иосей и Джек пошлины по первой гильдии, написал от имени их, как купцов 1-й гильдии, массу векселей, за взаимным поручительством, и представил, чрез подставных же лиц, для учета в банк, который, на основании специального параграфа устава, их и учел. Заплатив гроши несчастным 1-й гильдии купцам, этим Мошкам и Ицкам, сам Семен Семенович зашиб тут около четырехсот тысяч рублей, и тогда уже поехал в Питер, предполагая и другой операцией зашибить столько же, если не больше, а затем ему грезилась «Америка», где делают самые лучшие гешефты в мире. Хотя дело об этих векселях и раскрылось во всех подробностях и несчастные Мошки и Ицки были посажены своевременно по острогам, однако, денег этих разыскать не могли, — Семен Семенович умеет их хорошо прятать.

Наконец, настал день суда. Семена Семеновича судили по обоим делам сразу. Масса публики осаждала к-ий окружный суд, желая взглянуть на гениального человека. Держался он на суде необычайно добродушно, с умилением слушал громовые речи прокурора, а в патетических местах речи даже вздыхал, сочувственно, как бы про себя, приговаривая: «Вше так было... Как они узше знать могут... Много бедный народ потирал...» Но это не помешало ему топить на суде своих товарищей по директорству (про Ицек и говорить нечего: о них он отзывался не иначе как с презрением) и, несмотря на тьму ясных и неопровержимых против него улик, не сознался ни в чем. Его признали виновным, и он был приговорен в поселению в Восточную Сибирь, в места не столь отдаленные, с лишением всех прав состояния. Через год его уже встречали в И-ке.

В И-к это не был уже веселый, беспечный Семен Семенович, — нет, это был удрученный горем, пострадавший за чужие вины человек, решившийся с твердостью и терпением покориться своей несчастной участи. В И-к он прибыл пока с одной женой, оставив многочисленное семейство на родине, пока сам «не оглядится», на руках дедушки и бабушки. Знакомства сначала он заводил крайне осмотрительно, с выдающимися купцами еврейского происхождения. Никто в городе, довольно многолюдном, не обращал внимания на вновь появившегося еврейчика: мало ли их? Между тем, «еврейчик» не дремал; он зорко присматривался к нашим сибирским порядкам, к служебному персоналу, и не раз в душе возносил благодарственное моление Иегове, допустившему его попасть в эту «обетованную землю», по невежеству русских называемую страшным именем: «Сибирь!» С любовью следил он за деятельностью местных губернских и окружных дореформенных судов, в которых дела, например, по скупке «хищнического», или, попросту, краденого золота тянулись по десяткам лет, несмотря на присутствие в деле и поличного, и ясных свидетельских показаний. Нравилась ему и жизнь чиновников, сидевших на влиятельных местах. Все они жили хорошо, были хлебосольны, имели хорошее хозяйство. Рядом с этим наблюдением он сопоставлял размеры их окладов и с радостью узнал, что редкий получает до полутора тысяч, а то все боль-

ше 600 руб., 750 руб., 900 руб. в год. Проживали же все по 5–6 тысяч! Удостоверившись в верности своих наблюдений, он пришел к убеждению в необходимости завести знакомство с чиновным людом, что удалось ему, по местному выражению, «легче легкого», ибо все его первые знакомые — зажиточные купцы-евреи — были с администрацией, не исключая и довольно высокопоставленных особ, в самых дружеских, даже интимных отношениях. Когда его новые знакомые, случалось, спрашивали: «за что именно он сослан», то Семен Семенович только вздыхал, отирал фуляром небывалые слезы и расстроенным голосом говорил: «Чиво штаре раны шивилить? Што било — то и есть! Я завсегда мог бы оправдываться, да рази минь доверуть, когда такой народ бил замешен?..» И, наклоняясь к слушателю, он шептал на ухо такие имена, что тот в изумлении вскакивал:

— Да не может быть!

— Я вам говорю — верно! Нужно било кому-нибудь штрадать: «давай мы еного еврейчика ушлем бог изнает куды, — за него вступиться некому..» Ну, и вислали к вам, — с грустной улыбкой оканчивал исповедь Семен Семенович.

Такого рода беседы происходили сначала на нейтральной почве, у общих знакомых, богачей-евреев, а потом знакомство упрочилось. Делал Семен Семенович, например, так: вечером одному из бесчисленных советников, начальников отделений, членов суда и т.д., мирно сидящему в садике за чаем, кухарка докладывает, что пришел к нему «какой-то незнакомый жид».

— А что ему нужно?

— Да повидать вас хочет, — по делу, говорит.

— Ну, приведи сюда, в сад, эту бестию.

«Бестией» оказывался Семен Семенович, который издали еще начинал раскланиваться и, подходя, как бы лавировал против ветра.

— А, Семен Семенович, какими судьбами?.. Али делами стал заниматься? Что ж, валяй! Мы хорошему человеку рады, — добродушно смеясь, встретил его советник, тучный мужчина лет под сорок. — Ведь таких, как ты, говорят, «осталось двое в мире, а ты, третий, в Сибири...» А, правда? — продолжал хозяин, приглашая садиться Семена Семеновича.

— В мире-то, может, што тышеч есть полючи мне; мы люди неболшие, — сядясь на край садовой скамейки, отвечал Семен Семенович. — А я к вам ш маленькой просьбой: виручите мне! Ви, кажется, курите цигарка?

— Курю, да дороги хорошие-то, канальство, — поневоле трубку завел... А тебе для чего знать?

— Жвольте видеть, какова абштоятельства: я тоже куру цигарка; синку мой и пришлал мне из Одесса, шконтрабандом, тысячу штук, да вше крепкия, а я куру самаво легкого... Цигарка хорошия, дай, думаю, продам гашпадину советнику, они любяты, я слыхал, загранишны цигарки... Хотите, купайте? Такова товару ни здесь не сыщите.

— Коли недорого возьмешь, я, брат, с удовольствием... Много ль их у тебя?

— Я вам принес польтысячи, аштальные думаю Александру Ивановичу (прокурору) предлагать: они тоже любители цигарка курить.

— Так ты их принес с собой? Ну-ка, давай-ка попробуем. Не дороги, говоришь?

— Звестно, своя цана з вас надо увзять, да ви шпервоначатия пробуйте, — и Семен Семенович поднялся было с намерением пойти за сигарами, которые оставил в прихожей.

— Куда ты? Мавра принесет, только скажи, где ты их оставил... Мавра! Ну, скорей иди сюда!... Принеси там узелок в передней.

Закурив сигару, советник с наслаждением вдыхал ее аромат. По его мнению, сигары были очень хороши. «Красненьких полторы, за сотню стоят, не меньше», — думал про себя.

— Ну, што? Ндравятся вам сигарки?.. Што?

— Ты говори, сколько стоят, а хороши или нет — тебе все равно.

— Два ш пальтинником не будет дорого за сотню?

— Только? — изумился покупатель. — Да неужели они не дороже тебе обошлись?

— Говору, што они шкондрабандом; увсякия бивают; полоче мы себе вибираем.

Советник, в восторге от своей покупки, тотчас же платит деньги за сигары и не знает чем угостить Семена Семеновича, не подозревая, что тот ему за 2 руб. 50 коп. продал 20-рублевые сигары, тут же в городе купленные в лучшем магазине. То же выделывал он и с другими, могущими пригодиться ему лицами: многосемейному он «по случаю» продавал за баснословно дешевую цену голландского полотна; рьяному охотнику уступал «шваво собственного ружье аглицкой работы» тоже за бесценок и добился того, что не прошло и двух месяцев с начала его знакомства «с гашпадами чиновниками», как они в один голос твердили: «А что, господа, Кнопф, ей-богу, хороший жид! Нет в нем этой скаредности. Давно ли знаком, а смотрите: он всем услужить готов». И присутствующие, конечно, единогласно подтверждали этот, вполне заслуженный Кнопфом, отзыв.

Убедись в дружеских к нему отношениях гг. чиновников, Кнопф решил однажды объехать их всех и пригласить на именины «шваво супруги». Приехали все и были приятно удивлены как разнообразием водок, настоек, наливок и вина, так и богатейшею закуской, предшествовавшей обеду. Самый же обед превзошел их ожидания, — до того он был обилен и вкусно приготовлен. Со всех сторон только и раздавалось: «Ай да молодчина, Семен Семеныч! Честь тебе и слава! И где только в это время мог он найти такую икру?» и проч. Ликующий хозяин не выпускал бутылки из рук, обходя неустанно почетных гостей и подливая им в стаканы. После обеда он представил им рыжеватого, молодого еще жидка, одетого очень прилично, по-европейски, с очень симпатичным, умным лицом, отрекомендовав его мужем своей старшей дочери и пояснив, что зять и его жена так любят «нас, штарииков», указывая при этом и на жену, полную, с непомерно развитым бюстом, в неизменном парике, и не проронившую за все время ни одного слова еврейку, что «решились ехать к мне в ссилки». К этому он добавил, что у его зятя очень хорошее состояние и что он не прочь бы заняться «делом», например, подрядами; что он, Кнопф, рассчитывает, что «гашпада чиновники», «его благодетели», помогут «молодому человеку» осуществить его пламенное желание быть полезным краю, его принявшему, исполнением необыкновенно добросовестно всех обязательств, которые выпадут на его долю. «Ждесь так не шполняют, как он», закончил свою речь Кнопф, указывая на скромно стоявшего поодаль своего зятя. Захмелевшие гости сочувственно отнеслись к такому заявлению: «Что ж, с Богом! Кто что может — для тебя сделает, Семен Семенович, потому ты простой, душевный человек. Мы таких любим!» Семен Семенович, умиленный, кланялся, снова наливал в бокалы шампанского и в свою очередь горячо благодарил за милость и внимание, ему оказанные. Один из присутствовавших, тот самый, который купил дешево сигары, даже в азарт вошел:

— У меня на днях будут торги, только не знаю, подойдут ли, брат, они тебе, — дружески облокотясь на Кнопфа, чуть не на всю комнату орал он, желая «по секрету» передать ему эту новость, — больно велики: за пол-то-ра-ста тысяч один подрядец! — прокричал он, растягивая слово «полтораста» и сделав особое ударение на нем.

Кнопф скромно ответил, что «было бы дело настоящее, а денег у них будет хоть миллион, хоть два», лишь бы было из-за чего работать.

Скоро все поутомилось, некоторые засели «в картишки перекинуться», другие поразъехались, и Кнопф был в восторге от своего праздника. Насчет подряда, о котором ему сообщил толстый советник, он уже знал за месяц до именин, причем давно высчитал все могущие быть барыши и убытки от этого дела.

Спустя недели полторы, по переторжке подряд остался за неведомым еще И-ку моголевским 1-й гильдии купцом Зильберманом (фамилия зятя Кнопфа), причем губернский совет, где происходили торги, был крайне изумлен следующим обстоятельством: когда вскрыли запечатанные конверты всех желавших торговаться лиц, то у Зильбермана оказалась заявленная цена как раз *на 1 руб. менее*, чем самая малая из остальных цен, принадлежавшая прежнему подрядчику, у которого, может быть, от прежних подрядов и материала много осталось, теперь для него оказавшегося ненужным.

— Каков нюх-то, ваше превосходительство! — шепнул старик-прокурор губернатору. — Ведь одним рублем, а сколько нагадил Петру Степановичу! Тот, я думаю, волосы на себе драть будет из-за этого рубля.

— Да и мне неприятно, должен признаться, — отвечал губернатор, — что подряд из-за глупого рубля ушел от Петра Степановича и попал в руки жида. Тот, все-таки, свой человек, а этот — черт его знает, кто он такой!

— Его-то не знаю, — отвечал прокурор, — а тесть его прекрасный человек, некто Кнопф, сосланный сюда по интригам, бывший директор к-го банка (читатель не забыл, вероятно, что Семен Семенович уступил и ему партию превосходных сигар).

Так эта история с рублем и кончилась в губернском совете; в городе же она долго ходила с комментариями, весьма нелестными для толстого советника. Семена Семеновича эти слухи и толки нимало не смущали: он радовался не столько удачно взятому подряду, сколько тому, что положено начало «делу». Он отлично понимал поговорку: «лиха беда начать». Вскоре ему удалось, тоже, конечно, на подставного Зильбермана, взять еще один подряд, впереди еще ожидалось «хорошего дела», но его смущало одно: местный генерал-губернатор терпеть не мог евреев и всячески, — в пределах, разумеется, законности, — стеснял Кнопфа, а для наблюдения за выполнением им первого подряда, состоявшего в постройке новых этапов во всей О-ой губернии, он командировал самого свирепого архитектора с прямым наказом: «постарайся изловить на мошенничестве подрядчика», и чуть что заметит, «сию же минуту дать мне знать; тогда явится возможность отстранить его от подряда и передать другому, потому что я не верю, чтобы жид исполнил подряд добросовестно». Генерал был прав. Для Кнопфа, смело предложившего низшую цену, подряд тогда только становился выгодным, когда он мог рассчитывать, что при помощи взятки на его работы будут смотреть сквозь пальцы, не придираясь к буквальному исполнению контракта, и самая приемка оконченных работ комиссией будет только заключаться в веселой поездке гг. членов по новеньким этапам, с приличным везде от Кнопфа угощением дорогими винами и

закусками и разными деревенскими развлечениями, вроде хороводов, поездок с деревенскими красавицами куда-нибудь на реку, в лес, с весьма понятной развязкой...

Суровое отношение к Семену Семеновичу генерала и назначение наблюдающим за работами «архитектурного Аристиды» сильно озабочивали «бедного труженика». Сколько он ни соображал, никак не мог придумать, что бы ему предпринять для умиловления сурового генерала. Про взятку и думать нечего, — генерал в этом случае был истый рыцарь; подкупить ближайших его советников — дело возможное, но бесполезное: старик зорко следит сам за Кнопфовскими подрядами и не даст себя провести. Все это так отравляло Кнопфу существование, что он в душе уже начинал поругивать Сибирь.

Некоторую часть своих огорчений он однажды поведал толстому советнику, с которым они приятельски сошлись. Советник слушал, слушал его, попивая портер, да как вскочил сразу и спросил:

— А сколько мне дашь, если я не только помирю тебя с генерал-губернатором, а еще приятелями после станете?

— Кабы то так, — уныло проговорил Семен Семенович, — известно, ничего не пожалел бы.

— Ты думаешь, шучу? Ей-ей нет; давай пять тысяч — и устрою не дальше как через десять дней, а то и скорее.

— На етова дела я бы и вше десять дал, только нужно видать когда вше встроится вшамделе!

— Ну, ты мне коку с соком не подноси; ты думаешь, что если в К-е околпачил десяток дураков, так и тут то же будет? Нет, брат, на нас зубы обломаешь! А давай сейчас, хоть при свидетелях, пять тысяч чистоганом, да слушайся меня, чрез неделю, много через две первым приятелем у старика будешь.

— Чи ви фокусник, что такова дела делать можете? Я вже знаю што он мене сисьть готов.

— Как хочешь, верь не верь, а сделаю; если, положим, срок через две недели он не будет с тобой ласков, я тебе деньги назад отдам при тех же свидетелях, при которых возьму.

Уверенность толстого советника отчасти сообщилась г. Кнопфу; у него даже дыхание сперло от одной мысли о возможности устроить такой «гешефт»: в нем теперь боролись с одной стороны страстное желание устроить это дело, с другой — страх потерять даром такие деньги. Если б он был уверен в хорошем результате, он ни на минуту не задумался бы дать и 25 тысяч — так дорожил он расположением старика.

Советник, между тем, прихлебывал из стакана, стараясь казаться по возможности равнодушнее, даже насвистывал что-то, изредка, как бы машинально, поворачивая: «дело твое, братец, — как хочешь».

Наконец, Кнопф решил на последнее средство.

— Слюхайте, мы вот так сделаем: тисчу я вам сейчас отдам, а четыре опосля знакомства с гинирал-гибернатором, — верно?

— Мереклюндию-то мне не разводи, я ведь из ученых, — тоже, брат, в гимназии учились! Мы и по-вашему понимаем, — вашу-то поговорку тоже помним: «рыба, — говорится, — фиш, а гельд — офтиш». Вот тебе и весь сказ!

Как Кнопф ни торговался, советник был неумолим: «как какой штатуй штоял», после рассказывал про него Семен Семенович.

Через два дня после разговора Кнопф явился к советнику и, заявив, что он согласен дать денег «упэрот», заставил, однако, его поклясться прахом отца его, что он, Кнопф, не будет обманут и, в случае неудачи, получит свои деньги назад. Деньги были советником сосчитаны так спокойно, равнодушно и не торопясь положены в стол, что Кнопф не выдержал:

— Вам, видно, увсе равно, што деньги, што трава, — так ни это хладнокровно увзяли их!

— Да что ж мне? Деньги как деньги! Ведь только для тебя я мало спросил, хотел удружить тебе, — с другого я бы вдвое взял. Дело-то я должен обделать немаленькое. Ты знаешь какой зверь наш старик-то?

К великому удивлению и радости Семена Семеновича, обещание свое толстый советник, по-видимому, давал не на ветер. Когда тот рассказал свой план Кнопфу, он, практик до мозга костей, не мог не оценить его подобающим образом. Секрет состоял в следующем: генерал-губернатор был человек очень искренний, набожный, и ему чрезвычайно хотелось устроить в казенном генерал-губернаторском доме церковь; помещение было очень обширное, так что с этой стороны затруднения не было. На его ходатайство из министерства разрешение последовало, но в особой, для устройства церкви, сумме отказали. Своих средств у него не было, а привлечь местных богачей к этой «своей прихоти», как он ее называл, не решался, так как он достаточно их выпотрошил на разные общественные дела, например, на постройку театра, клуба, на техническое училище, воспитательный дом и т. п. Отказ министерства очень огорчил его, и он с крайней грустью должен был отказаться от взлелеянной им мечты. Хотя переписка с министерством о церкви шла секретно, так как он не хотел, чтобы, в случае отказа, кто-нибудь знал о его неудаче, тем не менее толстый советник знал это досконально и думал воспользоваться именно этой неудачей. Он подробно рассказал Кнопфу это дело и предложил ему воспользоваться этим, т. е. устроить на свой счет домашнюю церковь «старика», что будет стоить немного — не более пяти тысяч, а что генерал согласится на эту услугу, то он, советник, за это ручается и хлопоты берет на себя.

— Ведь ты пойми, — продолжал он, — в качестве строителя, ты каждый день можешь бывать там, наблюдать за материалами, за работами, а про старика и толковать нечего: пока последний гвоздь не вобьют, его оттуда дымом не выкуришь. Этими постоянными встречами ты и воспользуйся, — постарайся ему угодить.

— А как же ви изделыеете это вше?

— Это не твоя печаль: получишь приглашение — напяливый фрак, да тотчас же и явись. А, может быть, ты согласишься креститься? Тогда было бы совсем хорошо!

— Што ви говорите! — перепуганно заговорил Семен Семенович. — Да мне сичас наси вбьют!...

Советник добродушно посмеялся, успокоил Кнопфа, обещаясь сообщать ему о ходе дела, и они расстались очень довольные друг другом.

Не будем передавать подробности хода этого дела, а скажем только, что слово советник сдержал, и свои деньги заработал даром. Как и через кого он действовал на «старика», не знаем, но факт постройки непрощенным евреем православной церкви налицо, и последовавшая затем дружба (иначе мы затрудняемся и определить те отношения, которые установились между главным начальником края и ссыльным за мошенничество евреем) «старика» с Кнопфом свидетельствует о полном успехе затейливого плана толстого советника.

Семен Семенович вздохнул свободнее: единственного серьезного препятствия к наживе «на законном основании» не существует. Все остальное или куплено, или же представляет такое ничтожество, в смысле влияния на дела, что Семен Семенович только благодушно улыбается, когда ему случится услышать, что «вот де что о вас, уважаемый Семен Семенович, такой-то исправник или заседатель говорит, будто вы, — конечно, через своего доверенного, — заставили крестьян такой-то волости, напоив их допьяна и при помощи волостного писаря, дать вам какой-то приговор, которым они решительно закабалились вам, и что он этого не хочет оставить так».

— Бог с им, пусть говорит. Он еще молодой, совсем глупый, не понимает своего выгода, — спокойно отвечал на подобные сообщения Семен Семенович, а потом, слышишь вдруг, в городе идет разговор, месяц или полтора спустя, о внезапном и всех удивившем удалении такого-то исправника или заседателя от должности. Все недоумевают, почему бы это могло случиться, только Семен Семенович посмеивается себе в бородку и предобродушно резонерствует: «Где ему служить!.. Он бил завсем глупый. Это место надо умный человек садить. Этот народ мутит... Рази мошно?»

Под конец генерал-губернаторства «старика», Кнопф такую силу взял, что и чиновникам, вроде его приятеля, толстого советника, приходилось кланяться ему, а если он в хорошем расположении духа, то и попросить «похлопотать о наградишке», и — чудное дело! — если Кнопф пообещает, то так и совершится. Про казенные подряды и говорить нечего: все оставались за Зильберманом, т. е. за Кнопфом. При крупных делах он не брезговал и мелкими. Например, в городе было всего три аптеки. Кнопф из трех купил две, и не купил третью только оттого, что нельзя было: она находилась при одном благотворительном учреждении. Деньги текли к нему со всех сторон, да и другим было хорошо. Надо отдать ему справедливость, он за право делать всевозможные пакости платил «блюстителям казенного интереса» хорошо, по-барски, за то и не стеснялся с ними, уже давно он был «на ты» «ш их высокоблагородьями, нашема блягодителями», не исключая и толстого советника. Те только покряхтывали, сознавая, какую он стал силой.

Прошло два года деятельности Кнопфа в «новом родине», как он любил называть Сибирь, и вдруг «старика» сменили; назначенного на его место генерала никто не знал: какой он, где служил прежде, как служил. По отдаленности от центральной власти, генерал-губернатор в Сибири — все: «хочет — с кашей ест, хочет — с маслом пахтает». Понятно, как сильно было возбуждено любопытство общества относительно нового начальства. Даже местный губернатор, сам метивший на это место, не знал ничего определенного «об этой выскочке». Семен Семенович же, задолго еще до назначения, получил из Питера точные сведения, кто будет назначен и каков он. Незадолго до приезда он решил наконец поведать, каков будет новый начальник. По его словам, это идеал правителя, и что он, Кнопф, будет счастлив иметь дела с таким человеком.

Для Кнопфа он оказался, действительно, необыкновенно удобным человеком, только довольно дорогим. Этого на постройке церкви, например, провести нельзя было, а надо было действовать прямо, начистоту. Весь разговор у них оканчивался двумя словами:

— Школьки?

— Столько-то. — Кнопф знал, что нужно дать «столько-то», и давал, кряхтя, морщась, зато уж в подрядах делал что хотел.

Был, например, такой случай: доверенный Кнопфа сдавал вновь выстроенный этап нарочно командированному архитектору. Кругом этап огорожен особым устройством забором, носящим название «пали». Пали эти делаются таким способом: берут длинные, в 7–8 аршин, бревна вершков четырех в диаметре и врывают их стоймя в землю, плотно друг к другу, заостряя вершины их и вкапывая, по контракту, не менее трех аршин в землю. Архитектор попался молодой, вздумал проверить работы до тонкости и распорядился копать около палей, чтоб удостовериться, как глубоко они вкопаны. Представьте же его изумление, когда после двух-трех лопат бревна начали наклоняться и, наконец, упали, обнаружив, что они закопаны были не глубже полуаршина... Он сделал пробу в другом месте, — оказалось то же самое. Горячий архитектор составил, при участии местной земской полиции, акт для представления начальству и отказался от дальнейшей приемки подряда. Кнопфу, разумеется, тотчас же дали знать; он немедленно явился к генерал-губернатору, произошел обычный диалог, молодого архитектора командировали черт знает куда и зачем, а постройку принял другой, «опытный». Так дело и кончилось. Забавно было слушать, когда об этом рассказывал сам Семен Семенович; он искренно дивился глупости архитектора, вздумавшего рыться в земле.

— Какова иму там и дело? У контракту и сказано: пять аршин над землю. Пущай этого и мерить, а если у mine они хорошо стоят, крепко, зачего же вырывать их? Хоть их я просто приклеивал в землю, да они стоять, — нечего землю и копать. Можно и пять аршин загонять уф земля, и можно, их докопать. Только одни неприятности для mine и для начальства!

Так устроил свою судьбу маленький, полуграмотный жидок Соломон Симхи Цукеркопф. Благодарная местная администрация пыталась даже ходатайствовать, «во внимание оказанных им услуг краю и многих крупных пожертвований на благотворительные и общественные дела», о возвращении ему прав состояния, но, должно быть, Питер был не в духе, — попытка эта потерпела фиаско.

Я забыл упомянуть, что как только Кнопф упрочил свое положение, то неведомо как и откуда понаехали десятки евреев, которые оказались все его близкой родней и которые тотчас же получили у него места агентов, скупщиков и т. д. Теперь он буквально «генерал от коммерции», ворочает миллионами, имеет золотые прииски и массу разнообразных дел...

III

Червонный король (рассказ моего сослуживца)

— Познакомился я с ним давно, в 1867 году, в Петербурге, в пересыльной тюрьме, куда я ходил навещать одного приятеля, выславшегося за разные дерзости в университете к родителям, на Кавказ, — так начал свой рассказ мой друг и сослуживец Афанасий Григорьевич, бывший в то время стряпчим в И-ке. — В одно из посещений приятель мой, указав на одного высокого, с громадной рыжей бородой, в массивных золотых очках, господина, безукоризненно одетого, сказал мне, что это знаменитый Орлов, дело которого только что окончилось в окружном суде, где он обвинялся в *пятидесяти* с лишком уголовных преступлениях, и, благодаря своему выдающемуся уму и блистательной защитительной речи (он предпочел защищаться сам, и не ошибся: такую речь не скоро услышит петербургский

окружной суд), был приговорен лишь к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в И-кую губернию. К этому приятель мой прибавил, что, несмотря на его, так сказать, оригинальные понятия о собственности, это был человек необычайно умный, простой и добрый, так что на досуге, — а в тюрьме его всегда много, — он проводил время исключительно с ним. До отправки моего приятеля на родину, мне удалось побывать у него еще несколько раз, и мы познакомились с Орловым.

Прошло несколько лет, и судьба бросила меня в далекий И-к, на службу; не прошло и месяца со времени моего последнего приезда туда (я служивал в И-ке и ранее), как случилось происшествие, заставившее долго говорить о себе все местное общество. Тот самый мой приятель, через которого я некогда познакомился с Орловым, был впоследствии задержан в И-ке и арестован, а затем выпущен на поруки. Этим он воспользовался и бежал неизвестно куда и каким способом. Власти приняли все меры к его поимке: полетели курьеры, телеграммы во все стороны. Во все города были разосланы его фотографии, по большому, так называемому московскому, тракту были командированы полицейские агенты, а в числе их и знаменитый в И-ке частный пристав Блинов, но прошло три недели, и все это ни к чему ни привело. Между тем как получались отовсюду неутешительные известия, свидетельствующие о полном отсутствии каких бы то ни было следов беглеца, в самом городе нет-нет да и пройдет слух, будто его видели на днях, в сумерки, ехавшим на извозчике, то прачка, стиравшая его белье, чуть не клятвенно заявляла полицеймейстеру, что «намеднись, еще сама, своими глазами видела на Московской улице, где он как увидал меня — шась в проулок, только его и видела!» Слухи эти, отвлекая полицию от иногородних розысков, заставляли, разумеется, лучших ее агентов напрягать все усилия для обнаружения его в самом городе, где, на основании этих слухов, полиция предполагала, что он скрывается с тем расчетом, чтобы, по миновании «розыскной горячки», преспокойно уехать или попутчиком с кем-нибудь, или же по чужому виду. Надобно заметить, что, по обнаружении побега, у нескольких из интеллигентной молодежи, как служащей, так и не служащей, с большинством которой беглец был знаком, были произведены обыски и отобраны показания, которые, однако, не дали ничего объясняющего загадочный побег. «Я, — пояснил рассказчик, — занимал тогда пост окружного стряпчего, и как представитель прокурорского надзора, избегнул этой участи, но знал, что полицеймейстер, которому были известны наши давние хорошие отношения с беглецом, продолжал сильно точить на меня зубы и учредил даже «легенский надзор» за мной, за теми, кто приходил ко мне, и проч.»

Обстоятельство это меня очень мало тревожило, потому что в этот приезд я видел бежавшего всего раз и не мог иметь с ним никакого соглашения, если бы и желал этого.

В это-то время, как-то утром, часов в 10, когда я пил чай, просматривая поступившие накануне бумаги, и был еще в халате, приходит мой мальчик с докладом, что какой-то господин, незнакомый, хочет немедленно меня видеть.

— Да ты сказал, что по делам я не могу принять ранее одиннадцати?

— Сказывал, да они говорят, что прибыли по особенному делу, что они давно из Петербурга и знают вас.

Я обрадовался, предполагая увидеть кого-нибудь из старых знакомых, и, конечно, сейчас же приказал привести его к себе.

Смотрю, входит высокий, с проседью в громадной бороде, прилично, но

скромно одетый барин. Я с недоумением взглянул на него, извинился за свой костюм и, внутренне раздосадованный таким обманом со стороны совершенно незнакомого мне человека, назвавшегося старым знакомым, произнес обычное «чем могу служить?»

— Вот и видно, добрейший Афанасий Григорьевич, что и память-то у вас плоховата, да и я, должно быть, постарел, — проговорил вошедший, протягивая бесцеремонно руку, — Орлов, — продолжал он, — помните «пересыльную» в Питере?

— Конечно, помню, — моментально узнав его, сказал я, приглашая садиться, — очень рад вас видеть; давно мы не видались с вами.

— Да, лет шесть или семь. Ну, а вы как стряпаете? — шутливо спросил он, намекая на мою должность.

— Ничего, работы много, да лучше чем в канцеляриях торчать; дело живое, работаю с удовольствием. Где же вы пропадали, что до сих пор ко мне не забрели? Ведь я тоже теперь старинный сибиряк, с лишком три года таскаюсь здесь!

— Я никак не предполагал, хотя и слышал не раз вашу фамилию, что это именно вы; кто мог предполагать, что вы когда-нибудь будете прокурорствовать? Мне только вчера полицеймейстер сказал, что это именно вы.

— А почему же он знает, что я именно тот, которого вы некогда знали в Питере?

— Он мне сказал, что вы близки были с N... (фамилия беглеца); я, конечно, потом сообразил, что это вы и есть.

— Да вы-то сами в каких отношениях с полицеймейстером?

— В самых хороших; я ему устраиваю здесь адресный стол, — не сдержав улыбки, ответил Орлов, — знаете, по образцу петербургского.

Я расхохотался: в городе двадцать пять тысяч жителей, знают друг друга не только по фамилии и в лицо, но знают даже что сегодня что ел, где был, проиграл или выиграл в карты, и вдруг адресный стол!

Орлов тоже довольно коварно посмеивался, уверяя, что это уже потому полезно, что он, Орлов, получает за это сто руб. в месяц.

— Нарочно помощника не беру, — добавил он, — знаете, оно приятнее иметь такую работу подольше.

— А прежними, или во вкусе прежних дел, не занимаетесь?

— Нет, будет с меня; но, Бога ради, не подумайте, что, «почувствовав раскаяние во многом, содеянном мною, я обратился на стезю добродетели». Вы, надеюсь, помните, как я вам еще в пересыльной объяснял свой взгляд на так называемые мошенничества? До сих пор я придерживаюсь его, и должен сознаться, что всякий раз, как встречаю богатого и глупого человека, во мне точно закипает что! Так мне и представляется, как я его разделал бы. Итак, не это удерживает меня от «излишней частной предприимчивости», как, во время оно, называл мою деятельность один из близких людей, а то, что я *поселенец*, т.е. лишенный всех прав состояния человек. Предположите, что мне удалось бы обделать какое-нибудь хорошее дело и на законном основании вы думаете, *здесь* судом будут разбирать *меня* с маслопузом каким-нибудь? Ничуть не бывало: любой частный пристав, по просьбе этого же маслопуза, за какую-нибудь мзду, вроде 25 р., во-первых, отперет меня, что называется по-ихнему, «на все порки», а, во-вторых, доложит чрез полицеймейстера губернатору о моей неблагонадежности, и меня через 24 часа, этапным порядком, упрут куда-нибудь на Илгу или в Коропчанку (название самых северных волостей Иркутской губернии), не взяв от меня никаких объяснений,

и шабаш! Станешь оттуда жаловаться — еще там отпорют, опять-таки без суда, как кляузника, мутящего народ; а жить в этаких палестинах — ведь это заживо похоронить себя! Если бы меня выслали отсюда, — даю вам слово, что сперва я употреблю все усилия, чтобы отделаться от этого, а если не поможет, то пушу себе пулю в лоб. Для этого и таскаю его с собой, — окончил он свою речь, вытаскивая из кармана маленький, изящный револьвер, так называемый «бульдог», очень сильно, однако, бьющий.

— Неужели же вы довольствуетесь сторублевым заработком? — спросил я Орлова, зная, что прежде он проживал в год десятки тысяч, когда-то на его «четверги» в Большой Морской собиралось избранное общество, в котором высокопоставленные и титулованные особы вовсе не составляли исключения.

— Почти что так; есть еще маленькое подспорье. По прибытии моем сюда, я начал заниматься адвокатурой, и небезвыгодно, совершая, разумеется, доверенности на имя жены, так как поселенец не имеет никаких прав. Мне удалось выиграть несколько дел, признанных местными адвокатами безнадежными. А ведь вы знаете, что за народ здесь? Безграмотный казак, выгнанный, спившийся пиесец, какой-то перекрест из жидов, по паспорту отставной военный музыкант, и т.п. Успех мой вооружил их всех против меня, и рядом всяких подкупов, подлогов, доносов и разных пакостей, они добились определения губернского суда о воспрещении жене моей ходатайств по делам, «ибо», мол, «не подлежит сомнению, что, в сущности, дела ведет сам Орлов, сосланный сюда чуть не за тысячу подлогов, почему, в ограждение интересов клиентов, могущих быть им обманутыми, суд постановил» и проч. Меня это озлило страшно. Полное отсутствие и законности, и смысла! Но я сейчас же нашел средство обойти это определение, я скоро подыскал одного молодого человека, очень способного и ничего тогда не делавшего, и предложил ему работать со мной: доверенности я буду брать на его имя, а ему только подавать всякие прошения и отзывы, расплачиваться и подписываться, где следует получать деньги и проч. Работа же вся, конечно, моя; короче, за его «фирму», так сказать, я назначал сто рублей в месяц и пять % с моего гонорара. Кажется, чего лучше? Работали мы с ним хорошо, этак с год. К концу года я выиграл крупное дело, за которое приходилось получить мне тысяч пять. Отправил я своего юнца за деньгами, а сам сижу дома, поджидаю его. Наконец, почти вечер наступает, а его нет, я не выдержал, еду к нему на квартиру и застаю его пьющим чай.

— Что же, вы не получили разве денег? — спрашиваю.

— Нет, получил все сполна и даже отвез доверителю, — преспокойно отвечает млад-вьюнош.

— А мой гонорар? Пять-то тысяч?

— Вы, кажется, ошибаетесь: согласно формальному условию, заключенному мною (он сделал на слове «мною» ударение) с доверителем N К, пять тысяч, в случае выигрыша дела, должен получить я! Они мною и получены. О вознаграждении же вас в условии и речи нет! — невозмутимо объявил он.

— Первою мыслью моей было — вы, конечно, догадываетесь, зная несколько меня — тут же положить его на месте вот этим кулаком, — продолжал Орлов, показывая мне свою жилистую, редкой силы, руку, — но это было только мгновение. Я тут же овладел собой, надел шляпу и, не проронив ни одного слова, вышел. Нечего мне вас уверять, что я виды видывал на своем веку, но должен сознаться, это и для меня было новостью. Он зарабатывал у меня, с %, до 250 руб. в месяц, и,

кроме самого дружеского обращения как со стороны моей, так и со стороны жены, не встречал ничего иного. Имея в запасе немного денег, я решил бросить адвокатуру и заняться сельским хозяйством, и неподалеку от города снял у крестьян несколько десятин земли, построил хороший деревянный дом, завел лошадей, скот, начал хлебопашество. А тут как-то случайно мне пришла мысль о возможности устройством адресного стола зарабатывать еще малую толику — и мысль эта осуществилась, ну, так и перебиваемся с жинкой.

— Скажите пожалуйста, как же у вас возник с полицеймейстером разговор обо мне? — спросил я.

— Прежде, чем ответить на это, я попрошу вас сказать мне, есть ли у вас свободное время сегодня вечером, чтобы поехать с нами в поле («Поехать в поле» — это значит веселой компанией уехать куда-нибудь за город, в лес, или за реку, чай пить, прихватив, конечно, водок, вин и закусок, — любимейшее летнее развлечение сибиряков. *Авт.*)? — не отвечая, спросил Орлов.

— Что ж, я не прочь. Кого мы еще прихватим?

— Зовите кого хотите из ваших приятелей, я привезу только жену, знаете, для хозяйства. Только, должен вас предупредить, ни вам, ни вашим приятелям, которых вы пригласите, прогулка не должна стоить ни одной копейки. Это мое непреложное условие.

— Очень жаль, потому что, не говоря про приятелей, которые вас совсем не знают, и мне будет неприятно подчиниться этому условию. Мы часто ездим, и всегда в складчину: и дешево, и не обидно!..

— Вы не дали мне договорить, — перебил Орлов, — я хотел прибавить, что и я тоже *не истрачу* ни копейки своих денег! Мы все поедем на счет полицеймейстера или, вернее, на счет сумм, ассигнованных ему специально для розысков бежавшего нашего приятеля. Вы не верите? — продолжал он, заметив изумление на моем лице, — а, между тем, это так же верно, как верно и то, что теперь двенадцать часов, и что нам пора с вами выпить по рюмке водки, если только таковая у вас имеется, — спокойно закончил он.

Подали закуску; он с видимым удовольствием выпил одну рюмку водки и затем сейчас же начал откланиваться, взяв с меня слово, что мы с приятелями явимся в шестом часу в известное место, на берег небольшой, но красивой речонки, где он и обязался раскрыть нам всю, как он выразился, «фантазмагорию», подтвердив, чтобы мы ничего с собой не брали, так как у него все уже куплено, грозя, в противном случае, ничего мне не рассказать.

— По крайней мере, ответьте на мой прежний вопрос: как у вас зашел разговор с полицеймейстером обо мне?

— Все это вы сегодня узнаете подробно «в поле». Надеюсь, вы прихватите таких друзей, что нам можно будет говорить не стесняясь?

— Конечно, — ответил я, и мы расстались.

По уходе Орлова, мне стало вдруг как-то не по себе. В сущности, думалось мне, черт его знает, что он такое за личность? Мы так мало знакомы, что становиться сразу в близкие отношения, устраивать увеселительные поездки сообща, мне казалось несколько, с моей стороны, необдуманно и даже, при моем служебном положении, рискованно. Но слово дал — нужно его исполнить; притом же и содержание разговора его с полицеймейстером обо мне, а также и деньги такого странного происхождения, — все это подстрекало мое любопытство в высшей степени. Закончив часа в четыре обычные занятия (несколько ранее, чем

всегда бывало), я поехал в гостиницу, где обыкновенно собиралась обедать вся холостая молодежь. Найдя человек трех, которых я намеревался утащить с собой, я в нескольких словах передал им казус, случившийся со мною, и настоятельно просил поехать; с первого же слова они согласились.

Подъезжая к назначенному месту на «долгуше» (так называют в Сибири экипаж, вроде линейки, где могут поместиться шесть пассажиров), мы издали уже усмотрели приветливый дымок костра на самом берегу необычайно извилистой речонки К., густо заросшем кудрявыми кустами и ивняком. Место было выбрано очень удачно; тут и хорошенький лужок, весь покрытый красивыми саранками и желтыми пахучими лилиями, и удобный спуск к воде, и топливо для костра близко. Нас уже ждал Орлов с женой. Представиться самому и представить своих приятелей было делом одной минуты. Она оказалась очень неглупой и образованной женщиной средних лет, и вела себя так просто, непринужденно, что через каких-нибудь полчаса, сидя за пуншем, который она мастерски приготовила, мы не чувствовали себя здесь чужими и болтали как дома.

Первый тост Орлов, с серьезнейшим лицом, предложил выпить за «градоначальника», ибо, пояснил он, сохраняя невозмутимую физиономию, «все, что мы имеем здесь съестного и питейного, куплено на его деньги».

— Выпить-то за его здоровье — мы выпьем, а когда же мы узнаем вашу «фантазмагорию»? — спросил я, чокаясь с ним.

— Сначала воздадим ему должное и выпьем, — отвечал Орлов, прихлебывая из стакана ароматный пунш, — а затем я вам расскажу причину этого пикника... Извольте видеть, милостивые государи, как дело было. Вам, полагаю, прошлое мое, хотя отчасти, известно; известно также, что, вместе с тем, я слышу человеком ловким, даже более — неглупым. Кроме того, я, по обязанности вольнонаемного созидателя вашего будущего адресного стола, каждый день вижусь с полицеймейстером. Как-то на днях, он призывает меня из отдельной каморки, где я занимаюсь, в свой кабинет, запирает двери и, пригласив садиться, чего ранее никогда не бывало, вдруг прямо выпаливает, не спуская с меня глаз:

— Вы, как до меня дошло, знакомы были с N [Фамилия беглеца, общего знакомого Орлова с рассказчиком].

— Как же, вместе сидели в Петербурге, в пересыльной.

— А здесь его видели?

— Я знал, что он здесь в тюремном замке содержался, и хотел его навестить, но мне не разрешили, а затем, проживая в деревне, я услышал, что он бежал, так я с ним и не видался.

— А стряпчего такого-то, — про вас, — обратился ко мне полицеймейстер, — знаете?..

— Одного барина с такой фамилией знавал, но в Петербурге, и познакомился именно через N...

— Именно этот теперь здесь стряпчим. Если бы понадобилось, могли ли бы вы возобновить старое знакомство с ним?

— Отчего же? Хотя мы и не коротко были знакомы, но расстались не враждебно.

— Так вот что, голубчик, — ласково заговорил полицеймейстер, придвигаясь ко мне и понижая голос, — мне почему-то думается, что стряпчий, как очень близкий человек к N, должен наверное знать, как тот бежал и куда. Так его привлечь к следствию и неудобно, да и бесполезно, — все равно не скажет ничего, а вы бы, познакомившись вновь с ним, при вашей ловкости, могли бы, под предлогом уча-

ствия к бежавшему, кое-что разузнать. Для меня это очень важно, и я, между нами говоря, за малейшее верное сведение о следах N... с удовольствием дал бы вам денежную награду, и не маленькую. По важности сообщенных вами сведений, вы можете рассчитывать получить от ста до пятисот рублей! Что вы на это скажете?

— Я, конечно, и виду не показал, что это гнусное предложение возмутило меня, потому что быть ловким и умным малым и пользоваться этим, чтобы взять у богатого дурака часть неизвестно за что доставшегося ему богатства, или, по-вашему, быть мошенником, вовсе не значит быть Иудой и продать своего товарища, а N я смело могу так назвать, проведя вместе с ним в тюрьме не один месяц. У меня сейчас же явилась мысль наказать этого нахала, хоть бы и пустяками. Подумав несколько, я ответил, что не прочь попробовать взяться за это, но что окончательно ничего не могу сказать, не повидавши стряпчего, причем предупредил, что я в таком теперь положении, что и ничтожного расхода не могу принять на себя и что, следовательно, в случае нужды, прибегну к нему...

— Об этом и говорить нечего, мой милейший, лишь бы Бог помог вам что-нибудь узнать! — чуть не с мольбой перебил меня искуситель. — Когда же вы зайдете ко мне известить о ходе дела?

— Как повидаюсь, так и сообщу.

С тем мы и расстались.

— Надо вам здесь сознаться, — продолжал Орлов, — что прежде, чем заявиться к вам, Афанасий Григорьевич, я навел кой у кого справки о вас, т.е. узнал, что вы теперь за человек стали. Шесть-семь лет разлуки давали мне, кажется, на это право. Не так ли? Я на своем веку видал разительные примеры изменчивости человека, всех его убеждений, вкусов и проч., и не через шесть лет, а мгновенно, так сказать, из-за карьеры, богатой невесты и т.п. Относительно вас я узнал то, что и сам прежде знал, т.е. что вы все тот же идеалист, бессеребреник и — извините! — по-прежнему любите кутнуть в хорошей компании. Я сейчас же составил план, как наказать того дурака, а, главное, чтобы смешно было. До визита моего к вам, я зашел к полицеймейстеру и доложил, что, по отзыву всех лиц, близко знающих вас (сказал несколько фамилий молодых людей), надеяться на то, чтобы вы проболтались о N, если сами что-нибудь знаете, невозможно, а что, напротив, когда вы немного подопьете, то делаетесь разговорчивым. Единственное средство, следовательно, говорю ему, это подпоить вас хорошенько и тогда еще, может быть, что-нибудь выйдет.

— Да вы уже видели его? — спрашивает.

— Как же, — соврал ему, — я вчера уже пригласил его и еще нескольких молодых людей, под предлогом дня моего рождения, гулять в поле.

— Значит, вам, голубчик, деньги нужны?

— Да пока немного, говорю, рублей пятьдесят будет достаточно. Говорят, что он может массу всяких напитков выпить и что напоить его можно только портером, с коньяком вперемежку. — Поморщился немного, но дал. Это было вчера, а сегодня я имел честь пригласить вас, господа, сюда подышать чистым воздухом и основательно закусить и выпить на счет мудрого градоправителя. Сейчас я приготовлю вам настоящий кавказский шашлык, — я мастер вообще готовить, и мы портером выпьем другой за него тост. Что вы имеете мне оказать по поводу мною вам, милостивые государи, только что изложенного? Не найдете ли вы, что я относительно так щедро нас угощающего джентльмена поступил неблагородно, мошеннически?

Несмотря на шутивную форму его рассказа и на его спокойную физиономию, я успел подметить, что его последний вопрос был задан недаром, и что он ждал ответа с некоторой тревогой. Все это мигом прошло, когда наш искренний дружный смех и громкое «ура, Орлов!» далеко разнеслось в воздухе. Чтобы достойно выпить его здоровье, один из присутствующих, бывший лицеист, из разных напитков сделал какую-то «божественную», как он выражался, смесь, и мы весело, до света, пировали, принимаясь, по крайней мере, раз десять пить чай.

На прощанье Орлов опять пресерьезно сказал, что завтра он доложит, что стряпчий так крепок, что на пятьдесят рублей его не споишь, а нужно еще столько же и непременно завтра, куда хмель не прошел.

— А тогда, — закончил он свою речь, — для разнообразия поедем верст за сорок отсюда рыбу неводить. Я там знаю прелестные места! А как хорошо на свежем воздухе уши похлебать из живой рыбы! Язык проглотишь!

Полицеймейстер, как ни был недалек, однако, смекнул, что Орлов его обманул, денег ему еще не дал и обещал выслать из города, если когда-нибудь проболтается о настоящем значении нашей пирушки. Этим и кончил свой рассказ Афанасий Григорьевич. Через него, впоследствии, и пишущему эти строки пришлось познакомиться с Орловым, причем последний произвел на него приятное впечатление, вызванное его умом, сердечностью и искренностью. Благодаря письму Афанасия Григорьевича, Орлов встретил меня чрезвычайно радушно в своем деревенском доме, где он постоянно жил, не занимаясь ничем, кроме сельского хозяйства, суть которого он чрезвычайно быстро постиг и которое давало ему возможность, хотя и скромно, но безбедно жить, настолько безбедно, что для приятеля у него всегда в запасе была и бутылка-другая хорошего вина, и бесподобные наливки, а про еду и говорить нечего: он сам превосходно готовил. Летом всякого горожанина тянет на зелень, в деревню, и мы с несколькими приятелями частенько заезжали к Орлову, жившему в шести верстах от города. Один из нас был превосходный стрелок, и дорогой, — которая шла обок с болотистой низиной, — настреляет, бывало, штук пятнадцать-двадцать бекасов, дупелей, и мы приносим их к Орлову, который и жаривал их к ужину, как-то особенно, на гренках из булки. Не раз наша беседа затягивалась за полночь, особенно когда упросим его рассказать что-нибудь из «невозвратного прошлого». Один из этих рассказов я и хочу предложить читателям. Он относится к тому времени, когда Орлов, живя в Петербурге, открыл на Большой Морской негласный игорный дом, который, в числе постоянных гостей, насчитывал много «знатных особ обоего пола», как он выражался. Сам Орлов никогда не играл, довольствуясь известным процентом с выигрыша, что, однако, давало ему громадный доход. Так как он «не любил оставаться без дела», то и присматривался к своим посетителям, не нападет ли на кого, «над кем можно бы было произвести легкую операцию». В числе своих посетителей он скоро наметил одного, который, хотя и играл азартно, но выдавался своею чрезмерною жадностью к деньгам, и, в то же время, как это всегда бывает, скупостью.

— Он был, — начал Орлов, — остзейский барон, занимал какую-то придворную должность и по чину был статский советник. Состояние его было огромное; по справкам, мною наведенным, он получал свыше шестидесяти тысяч чистого дохода в год, а мои справки были верны: у меня такие агенты были, что и сыскная полиция диву давалась! Жаден он был до гадости. Приведу пример. При таком доходе он, увидав, что в соседнем имении арендатор построил небольшой мыловаренный завод, приносивший какие-то гроши своему владельцу, тотчас же

построил такой же у себя, на что, при своем лесе, истратил безделицу, принудив несчастного арендатора платить ему ежегодно «отступного», чтобы только не иметь конкурента, что-то около двухсот рублей. У меня уж давно было задумано блестящее дело, на котором я мог заработать (?) тысяч двести, без малейшего риска. Барон Ф... оказывался подходящим для этой операции субъектом и по средствам, и по жадности к наживе, а когда я узнал, что его младший брат служит в министерстве иностранных дел и состоит в каком-то посольстве, то порешил «обработать» именно барона, а никого другого. Сделаю небольшое отступление: лица, служащие при русских посольствах, вообще освобождены от всякого осмотра на границе и потому могут и вывозить, и привозить все, что угодно, не подвергаясь никакой опасности. То условие, что брат моего барона служил за границей, было почти необходимым для моего успеха, как вы впоследствии увидите из моего рассказа. Затем далее. Узнав, что барон Ф... на лето переезжает на свою дачу в Павловск, я немедленно (а это было в конце зимы) нанял соседнюю с ним дачу, и очень удачно: наши садики были смежными. До самого переезда на дачу барон был аккуратным моим посетителем, и я за это время употребил все усилия, чтобы сойтись с ним покороче. Мне удалось даже оказать ему несколько услуг, и барон, как я заметил, стал ко мне относиться очень дружелюбно и уважал во мне умного, серьезного, а главное, делового человека с хорошими средствами.

Настало дачное время, я разузнал, что барон после службы ездит в Павловск в I-м классе, на пятичасовом поезде. Стал и я, как бы случайно, ездить на этом же поезде, конечно, в I-м классе, и, почти постоянно встречая барона, беседовал с ним до самого Павловска. Разговор наш вертелся все около биржи, да разных новых предприятий, которые то возникали, то лопались в то время чуть не каждый день. Через неделю после переезда на дачу, мы, наконец, встретились утром каждый в своем садике. Конечно, оба были удивлены, как это случилось, что, живя рядом, мы до сих пор этого и не подозревали, что как это приятно и проч. Барон окончательно сделался моим приятелем, особенно с этих пор, так как, *узнавши*, что он живет рядом, я стал его довозить домой в моем шарабане. Сам он не держал, из скупости, лошадей. В один прекрасный, особенно для меня, день я устроил так, что с нашим поездом барону ехать нельзя было, ибо, по моему распоряжению, все билеты I-го класса были разобраны моими знакомыми. Для себя одного я взял целое отделение в четыре места I-го же класса и выглядывал из окошка на барона, который ужасно кипятился, разговаривая на платформе с начальником станции, который клялся всеми богами, что нет ни одного билета I-го класса, что этого почти никогда не бывало, и предлагал ему место II-го класса, но тот, показав на свой золотом расшитый мундир, уверил, что одно это уже ему не позволяет ехать во II-м классе, где ездит Бог знает кто. Тут я подоспел на выручку. Высунувшись из окна, я его окликнул, и когда он подошел, то предложил ему сесть со мною в отделении, говоря, что, вероятно, трое моих знакомых, для которых я взял эти места, поедут со следующим поездом. Барон, конечно, очень рад. И мы едем вдвоем. Дорогой, затеяв обычный разговор о доходности и верности какого-то нового дела, я небрежно указал на изящный томик, который вертел в руках, и сказал:

— Какое это дело! Вот, барон, если бы в оной книжечке не было помещено нескольких строк, то я бы вам рассказал про одно действительно дело, которое могло бы дать в неделю, по меньшей мере, сто тысяч барыша!

Барон так и опешил, широко раскрыв свои узкие глазки, но, увидав по моей физиономии, что я совершенно спокоен, быстро спросил:

— Что же это за дело и какая у вас книга?

— Это останется между нами?

— О, понятно, — поспешно ответил барон.

— Дело-то отличное, а книгу извольте: «Уложение о наказаниях», иначе XV-й том, — передавая ему книгу, ответил я, — разверните его, где закладка лежит, и прочтите те статьи, которые обведены синим карандашом. Из них вы и дело узнаете!

Барон торопливо развернул том, пробежал три-четыре статьи, относящиеся к торговле «хищническим» золотом, как закон называет всякое золото не в деле и не попавшее для чеканки на монетный двор.

— Это, однако, мне мало объясняет дело, — с недоумением посмотрев на меня, проговорил барон, — тут говорится о покупке и продаже с приисков золота? Да?

— Оттого-то это дело я и называю золотым в буквальном смысле этого слова, — сострил я, наклоняясь почти к уху барона, — только особенность та, что нет надобности ехать в Сибирь, чтобы его купить, а оно уже привезено в Петербург, и можно бы всю партию, *тудов*, — слышите ли? — *двенадцать* купить по девяти тысяч руб. с небольшим; тогда как на бирже теперь его цена двадцать тысяч! Соблазнительно, черт возьми! Да вот статьи-то эти... Ведь каторжная работа и продавцу, и покупателю! Однако мы уже приехали. Вас подвезти?

Но барон, говоря, что ему хочется перед обедом сделать маленький моцион, отправился по парку пешком. По его лицу, как он ни старался скрыть от меня, видно было, что моя «откровенность» сильно его взволновала. На другой день я уехал в Петербург, приказав дома, что если кто-нибудь будет меня спрашивать (я надеялся, что барон зайдет), то сказали бы, что я поехал к родственникам, в Финляндию, погостить. Мой расчет оказался верен: на другой же день барон, не встретив меня на обычном поезде, зашел ко мне, сделав честь, которую он мне в первый раз оказал на даче, и когда ему сказали, что я уехал в Финляндию, то он даже в лице переменялся и, уходя, просил, если будут мне писать, чтобы передали, что у него есть важное до меня дело.

Понятно, я сейчас же узнал это и, нарочно промедлив дня четыре в Питере, являюсь на поезд, встречаю барона, как ни в чем не бывало, рассказываю про свое путешествие, про красоту тамошних озер и проч., и вижу, что барон решительно меня не слушает и отвечает постоянно невпопад. Очевидно, ему хотелось заговорить о «деле», да нельзя было: мы были не одни в вагоне. По обыкновению, я его подвожу, и он дорогой взял с меня слово, чтобы я вечером зашел к нему чай пить, непременно — с особым ударением окончил он. Я зашел и, само собою разумеется, он начал разговор о золоте. Я с неохотой поддерживал его, но как бы тронутый дружбой и доверием собеседника, сознался, что ездил в Финляндию нарочно для этого дела, так как продать золото в России рискованно, за границей же на золото смотрят как на обыкновенный товар, и я думал устроить это чрез одного финляндского купца, но не удалось. Потом добавил, что собираюсь на днях в Берлин, — хочу тамошним евреям предложить. Всех этих хлопот можно бы избежать, если бы я имел знакомого, служащего в каком-нибудь нашем посольстве, конечно, вполне надежного человека. Тогда половина дела была бы сделана.

— Ведь вам, барон, конечно, известно, что наши дипломатические агенты не подвергаются осмотру на границах, и, следовательно, можно и безопасно провезти, а за границей хоть на площадях продавай — ничего!

— Ну-ка если я такого человека вам предоставлю, то мог ли бы я, и в каком размере, надеяться на участие в этом деле? — как-то неестественно-развязно

спросил барон.

— Надо вам сказать, милый барон, что я смотрю на это дело очень серьезно: между нами говоря, я нынешний год понес большие потери, и рассчитываю этим делом возместить большую их часть; поэтому, доверить кому бы то ни было, не *мне* лично известному лицу, такую сумму без солидного обеспечения — кажется непозволительно рискованным.

— Я скажу, чьими услугами мы, если с вами сойдемся, воспользуемся: это мой младший брат, служащий в N-ском посольстве. Он, я уверен, согласится провезти за границу наш груз, если мы ему уделим хоть безделицу, не более пяти тысяч!

— Условия как нельзя более удобные, но, повторяю, извините меня, и вашему брату я без обеспечения не могу доверить; ведь эта операция для меня теперь все.

— Какого же рода желали бы вы обеспечение? — несколько нетерпеливо перебил барон.

— Я сию минуту составлю вам расчет. Не угодно ли вам взять клочок бумаги и карандаш. Предлагают мне, как я вам сообщал, 12 пудов. Если все купить, конечно, за наличные, то продавец уступит по 2 р. 58 коп. золотник, что составит 10 т.р. за пуд, а за все 12 п. нужно отдать 120000 р. Так как я полагаю, что вы согласитесь со мной, что в таких делах чем менее участников, тем лучше, то я предлагаю вам взять половину, а другая моя.

— Превосходно, я совершенно согласен, — поспешил подтвердить барон.

— Далее: из этого выходит, что мы с вами уплачиваем по шестидесяти тыс. и получаем в обмен по шести пудов песку. Вот тут-то и затруднение. Может выйти какая-нибудь, совершенно непредвиденная, случайность с вашим братом, и мои не только барыши, но и последние, — произнес я с ударением, — шестьдесят тысяч ухнут, и я останусь нищим! Золото теперь в цене, менее двадцати тысяч за пуд и думать нечего продать, вы курс сами знаете отлично; следовательно, продав его в Берлине, у нас окажется 240 т.р., т. е. на каждого по 120 т.р. Уплатив продавцу 60 т.р., я остаюсь без денег и без обеспечения, так как *все золото* будет в руках ваших и вашего брата, до самой его продажи. Такого-то рискованного, не коммерческого шага делать я не желаю, да и не сделаю; мои условия с вами будут следующие: как только мы внесем за золото деньги, оно все поступает к вам (чем скорее брат поедет за границу, тем лучше), а вы мне, за мою половину, уплачиваете деньгами их ценность, т.е. 60 тысяч р. Барыш же мой, который выразится этой же цифрой, вы обеспечите своими векселями на мое имя, сроком не более месяца, так как для скорой продажи золота никаких затруднений быть не может.

— Я понимаю ваше положение, — сказал, помолчав, барон, — но и для меня условия тяжелы: я должен сразу выдать 120 т. наличными и 60 т. векселями, что почти то же. Это, знаете ли, затруднит хоть кого! Деньги большие!

— Ну и заработать 60 т.р. в неделю, притом без малейшего риска, благодаря согласию вашего брата, не часто случается, — возразил я. — Впрочем, я не уговариваю. Дело настолько говорит само за себя, что я так или иначе его устрою, но мне жаль, что в вас я теряю дельного и умного компаньона, с которым всегда приятно бы иметь дело, — проговорил я, равнодушно принимаясь искать свою шляпу.

— Позвольте! Куда вы? Да ведь я ничего решительного вам не сказал. Я хочу только заявить, что я о вашем условии подумаю, и, если позволите, завтра вечером сообщу вам ответ, — засуетился барон, придерживая меня за пуговицы сюртука, как бы боясь, чтобы я вдруг не исчез куда-нибудь. — Завтра вечером, — повторил он, провозжая.

— Если у нас дело не сладится, то я могу поехать за границу не ранее четверга, утром, так что вам остается даже два дня; обдумайте...

Уходя домой, я был уже уверен в успехе дела, а потому следующий день весь провел в Петербурге, чтобы устроить всю «обстановку».

Вечером зашел барон, и мы отправились в парк, где, выбрав поглуше аллею, условились во всем.

Завтра, в 12 часов, я жду барона в Исаакиевском сквере; оттуда идем в гостиницу «Англия», где, по моим словам, остановился владелец золота, старый мой знакомый, товарищ во корпусу, который 15 лет прослужил управляющим на приисках в В. Сибири. Золото это он накапливал, покупая у рабочих за бесценок, в продолжение этих лет.

Он трус, знакомства теперь в Петербурге и Москве не имеет, и потому очень обрадовался, разыскав меня и рассчитывая на мое содействие. Ему необходимо ехать лечиться за границу как можно скорее, чем и объясняется баснословная дешевизна золота.

Всему этому рассказу барон вполне поверил. Это было очень заметно. Условия же были таковы: придя в «Англию», мы посмотрим золото, свесим его, возьмем по образцу из каждого мешочка, которое барон и покажет своему ювелиру или кому только он захочет. Образцы берет он сам из каждого мешочка; мешочки эти, на время нашего хождения по ювелирам, запечатываются двумя печатями, барона и моей, укладываются в два заготовленные мною нарочно для этого прочные баула, которые запираются на два замка, и опять так же запечатываются нами обоими. Образцы же, не более $\frac{1}{4}$ золотн. каждый, завертываются отдельно в бумажку, и барон самолично кладет их в свой портфель, нарочно им с собой взятый. Портфель тоже запечатывается нами обоими и запирается на ключ. Когда барон и я удостоверимся, что золото настоящее и высокой пробы, мы возвращаемся в «Англию», где должна ожидать барона моя собственная карета, с десятивершковым выездным лакеем, который снесет по очереди оба баула в карету и поможет барону поместить их к брату барона, выезжающему в тот же вечер. Прежде отправки баулов в карету, нами тщательно проверяется целостность печатей на мешочках, а затем барон передает 120 т.р. наличными за себя и за меня хозяину золота, а мне передает векселя на 60 т.р., сроком один на месяц, а другой — на два.

Всю программу мы исполнили с пунктуальной точностью; когда барон запер свой портфель, он так был тронут согласием моего товарища на все эти оскорбительные условия, что пригласил его завтра на обед к Борелю, выражая надежду, что знакомство этим не ограничится. Ювелир, знакомый барона, который рассказал ему целую басню, что он хочет купить прииски в Сибири, и потому просил определить достоинство золота, с готовностью согласился, и, сплавя при помощи паяльной трубки песок в маленькие слиточки, объявил, что г. барон будет обладать одним из лучших приисков в мире по качеству золота; точно определить, какой именно пробы, он сейчас не может, но ручается головой, что *не ниже* 88-й пробы, что составляет редкость в натуральном золоте.

— Если бы вам, м. г., предложить купить подобное золото, сколько вы могли бы дать за золотник? — спросил я небрежно.

— По теперешнему курсу я с удовольствием бы дал по шести рублей, — не задумываясь, ответил француз.

— А сколько это придется за пуд? — с любопытством спросил барон.

— Двадцать три тысячи сорок рублей, — вежливо сообщил ювелир, написав несколько цифр на бумажке.

Ног под собой не чуя, летел барон в магазин Сазикова, где его тоже хорошо знали. Результат тот же: золото превосходное и стоит не дешевле шести рублей за золотник. Барон, сияющий радостью, не знал как и скрыть свое волнение, и потащил меня на первого попавшегося извозчика; понукаемый беспрерывно бароном, он скоро довез нас до «Англии».

Карета моя уже дожидалась нас; барон не вошел, а влетел на лестницу. Каюсь, мне страх как хотелось расхохотаться, глядя на его радость, радость скупого, жадного человека, которому *удалось даром* схватить такой куш! Войдя в номер и торопливо, но бережно положив свой портфель с драгоценными образцами на стол, он кинулся к приятелю, бормоча какую-то благодарность, причем, поймав его руки, крепко пожимал их, — словом, вел себя как школьник, которому объявили, что он свободен и может, наконец, уехать в деревню на лето. Эта веселость не помешала ему, однако, весьма тщательно осмотреть замки и печати на баулах, что, конечно, проделал и я с самым серьезным вниманием. Убедившись в целости и неприкосновенности сокровищ, барон снова тщательно запер их и, вытащив из бокового кармана пачку бумаг, перевязанную крепко бечевкой, развязал ее и стал медленно отсчитывать, лист за листом, банковые 5-процентные билеты. Отсчитав 60 т., он вручил их хозяину; остальную половину он считал еще медленнее, как бы смутно угадывая, что не следовало бы ему платить за других, т.е. за меня. Но... колебание прошло, и я получил тоже 60 т., которые, тут же пересчитав, тоже передал «старому товарищу по корпусу». Затем барон, вынув маленький английский бумажник, достал оттуда два векселя, тоже на 60 т., и, подавая их мне, уже шутливо проговорил:

— Надеюсь, вы теперь спокойны, Фома неверный?

— Если бы я не сделал этого, вы первый, барон, не сочли бы меня никогда деловым человеком. Не так ли? Да вот еще что, — продолжал я, пряча векселя в карман, — я оценил, что золото уйдет у нас за двадцать тысяч пуд, в которых я себя и обеспечил, а вы слышали, что меньше 23-х и продать нельзя? Таким образом, тысяч восемнадцать я все-таки вынужден поверить вам на слово!

— Неужели вы допускаете...

— Pardon, cher baron, я и хочу вам сказать, что шестьдесят мне было *не-об-хо-ди-мо* обеспечить, — я так и сделал, потому что на них я рассчитывал, а эти восемнадцать составляют для меня только очень приятный сюрприз, если получу не больше; следовательно, тут и речи не может быть о моем к вам доверии, — перебил я барона, протягивая ему руку, которую он с чувством пожал.

Затем я позвал своего лакея и приказал вынести баулы; барон взял портфель, горячо попрощался с нами и ушел, а мы с приятелем... расхохотались, увидя себя обладателями целого состояния, почти 200 тысяч, потому что векселя барона я учел в банке на другой же день.

Недели через две я прочел небольшое известие в наших газетах, перепечатанное из заграничных, что там произошел невероятный скандал, крайне взволновавший «сливки общества»: один из состоящих в русском посольстве барон Ф. — молодой человек, всюду принятый, попался в мошенничестве; по словам газет, он был арестован в тот момент, когда пытался сбыть, под видом золотого песку, одному берлинскому банкиру простые медные опилки, на очень крупную сумму. «Приводя это известие, — пишут русские газеты, — мы позволяем себе, однако, усомниться в справедливости его...» и т.д. Я-то очень хорошо знал истину этого события. С бароном мы скоро встретились в одном обществе, но

он уже не удостоил меня своим вниманием, и стали мы как чужие, — закончил грустно Орлов.

— Скажите, а образцы золотые были? — спросил я.

— Превосходного золота, — ответил спокойно Орлов.

— И брал барон сам из мешочка?

— Сам.

— Значит, и в мешочках тогда было золото?

— Нет! Чистейшая медь.

— Как же в образцах оказалось золото?

— Очень, голубчик, просто: у меня был заготовлен заранее *совершенно такой же портфель, как у него*; мне стоило пятьдесят рублей сделать его похожим, и печать его была подделана безукоризненно; ну-с, добыл я, право, с большим трудом настоящего, высокопробного песку, завернул его в бумажки, положил в портфель и запечатал его своей печатью. Когда барон брал медные опилки из мешочков, то я приготавливал пакетики из бумаги, знаете, в каких семена держат, и в каких у меня в другом портфеле было золото, подавал их барону, а он самолично высыпал в них медь. Чтобы он положил приблизительно столько же песку, сколько я положил в свои, я заказал особую, очень маленькую ложечку на длинном черенке, в которой не могло поместиться более $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ золотника, и он доставал опилки нарочно со дна его. Когда я завернул всыпанную им медь, конечно, таким же манером, как и золото, он *сам* положил их в портфель, который и запер. Когда стали накладывать на портфель печати, то я нагревал сургуч и капал, следовательно, где хотел, то есть на то место, где они находились и на другом портфеле. Сходство вышло поразительное. Оставалось только переменить их, что было уже легко. В тот момент, как барон надевал пальто, для чего дал мне подержать свой портфель, обратно от меня взял, увы, уже не тот. Теперь понятно, господа?

— Понятно, — говорю, — а какая участь постигла барона и его брата?

— Кроме потери денег — ничего: замяли дело; уж очень неприятно было для высших сфер допустить его до суда; ну, и устроили так: перевели куда-то младшего Ф...а, тем и кончилось.

Этот человек в своем желании «урвать у маслопуза хоть клочок мяса», как он говорил, иногда становился почти маньяком; так, уже покончив с «излишней частной предприимчивостью», т.е. с разного рода сомнительными «делами», иногда, без малейшего для себя интереса, научал других, как сорвать «куш». Например, существовал в И-ке один богатейший золотопромышленник, считавший свой ежегодный доход сотнями тысяч. Личность крайне антипатичная: скупой в личной своей жизни, немилосердный к своим рабочим, доставлявшим ему его миллионы, он крупными пожертвованиями достиг звания статского советника, со многими орденами и медалями, оставаясь в душе чистокровным хамом. Высокое положение, которое он занимал в обществе, благодаря своим миллионам и связям, и шестидесятилетний возраст не мешали ему ежедневно, как только смеркнется, выходить на улицы и приставать с грязными предложениями к первой попавшейся швее, горничной, простой деревенской бабе и т.п. Его не смущало, если случалось встретить одну из прежних его жертв, соблазнившуюся его богатством (его в городе все знали) и согласившуюся на его предложение, вместо сулимых сотен рублей получившую трехрублевку, а не то и меньше, которая начинала его, тут же на улице, всячески ругать. Хладнокровно проходил он мимо, отыскивая новый «предмет»...

Орлов узнал про эту черту миллионера и тотчас же создал план «урванья» с него. В одном доме с Орловым проживал какой-то писец, получавший рублей 20 в месяц, но у которого было другого рода богатство: жена — молодая, смазливая, что называется «огневая» бабенка. Они были с ним знакомы, постоянно жаловались на свою бедность, на невозможность существовать при таком жалованье. Орлов воспользовался этим и убедил их сыграть комедию с дряхлым ловеласом. Сказано — сделано.

В один из скверных для нашего любителя «женской нации» вечеров он так пленился одной пышкой, встретив ее на улице, в платочке, с картонкой в руках, что, для достижения цели, изменил своему правилу приглашать их к себе в отдельный домик и отправился к ней, так как она «ни за какие миллионы не соглашалась иначе». Придя к ней, он только что снял с себя верхнее платье, как вдруг раздается неистовый стук в двери, с криком «отвори!»

— Что-то мне будет, батюшки мои! — кинулась бабенка к старику, — это муж мой возвратился пьяный; полезайте, Христа ради, в подполье (В Сибири почти в каждом доме устраивают «подполье», ступеней на пять, на шесть ниже пола, где и хранят все припасы), да заберите с собой платье-то, авось не заметит, а я его сейчас выпровожу! — шептала она перепуганному ухаживателю. — Дай огонь зажечь, чего ломишься? — уже громко закричала она стучавшему мужу, — сейчас отопру, — а сама приподняла крышку подполья, куда почти впихнула почтенного коммерсанта.

Муж пришел не один, а с тремя приятелями; казались они выпившими, спросил водки и вдруг, заметив оставленную узником шляпу-цилиндр, заревел:

— Ты опять с кем-нибудь путалась? Это чья шляпа? Ну, да ладно! Выскокить-то ему некуда было! Он здесь! Вот я его таким отсюда выпущу, что родная мать не узнает! Сказывай, где спрятала? Ну! — притопнул он, — живо поворачивайся, а то забью до смерти!

Перепуганному пленнику показалось, что он ее уж убивает, но от страха он даже крикнуть не мог. Дверь в подполье отворилась, и он услышал страшный голос, вызывающий его наверх, немедля. Делать нечего, пришлось выйти, и публика была изумлена: сам Гаврило Гаврилович оказался!

Хозяин накинулся было на него с топором, но гости удержали, уговаривая его кончить как-нибудь без шума. Долго продолжалась эта комедия, пока они пришли к соглашению, по коему обиженный муж взял с него сию же минуту вексель в 25 тысяч, причем коммерсант должен был написать на особой бумаге причину, почему он оказался должным несчастному писцу такой куш денег.

Вексельная бумага надлежащего достоинства оказалась у кого-то из «гостей». Гаврило Гаврилович подписал вексель, обязуясь завтра же лично принести деньги, и ушел домой, счастливый мыслью, что остался жив. Деньги он завтра же заплатил, опасаясь той бумажки, где он собственноручно написал, за что он дает деньги, и бабенки этой уже более не видел: муж вышел в отставку, уехал в К-в и открыл там торговлю, сожалея, что не исполнил совета Орлова, который с тем только и преподавал ему «благой совет», чтобы он не мирился менее ста тысяч, а то и двухсот.

В заключение скажем несколько слов о дальнейшей судьбе Орлова. Отрешившись от сует мирских, он жил мирным гражданином у себя в деревне.

Приехал новый генерал-губернатор, которому известно было прошлое Орлова; встретив его в театре, он справился, кто это такой? Услыхав, что это «известный Орлов», он проговорил:

— А, знаю! Объявить ему, чтобы через три дня он выехал в волость; здесь терпеть его нельзя!

Тщетно знающие Орлова хлопотали за него, но генерал-губернатор был немолчим, и на третий день полиция уже приехала к нему в деревню, чтобы отправить его по этапу, на место нового жительства, но ей не удалось: верный своему намерению, — скорей пушу пулю в лоб, чем уеду отсюда, — он выстрелил себе в грудь, немного ниже сердца, и пуля прошла навывлет. Смущенные полицейские не посмели взять его полумертвого с собой и доложили генерал-губернатору. Он тоже несколько смутился, отменил приказание о немедленной высылке, даже спросил, есть ли у жены средства на доктора и лекарства. Богатырская натура выдержала страшную рану, и через два месяца Орлов лично явился к генерал-губернатору с просьбой остаться здесь. Кажется, на этот раз просьба его была уважена.

IV

Разночинцы

В середине или в конце шестидесятых годов вся читающая Россия была поражена зверским убийством, совершенным в одном из городов средней России. Причина исключительного внимания общества, вызванного этим происшествием, заключалась, во-первых, в количестве жертв преступления и, во-вторых, в самой личности преступника. Была убита среди белого дня целая семья, состоявшая из шести человек, и двое из прислуги. Казалось бы, что для совершения такого страшного по размерам дела требовалось участие целой шайки опытных, закаленных убийц, хорошо организованной, где роли всех участников были заранее распределены и все случайности предусмотрены. На деле же ничего этого не было, и убил всех восемь человек *один*, и этот один был ученик шестого класса гимназии, по фамилии Горский, дававший уроки в этой семье, принадлежавшей к среднему купечеству. Убийство было совершено с таким хладнокровием и обдуманностью, что решительно ставило в тупик самых опытных следователей, не хотевших допустить, чтобы возможно было обойтись в данном случае без сообщников и пособников. До чего хладнокровно исполнил свое «дело» Горский, можно судить из следующей подробности этого ужасного преступления: убив уже троих или четверых в то время, когда остальные жертвы были в отлучке, именно в церкви, если память мне не изменяет (процесса этого, печатавшегося в свое время во всех газетах, мы под руками не имеем, и просим извинить могущие быть ошибки в подробностях), и должны были прийти домой, не более как через час, Горский вдруг заметил, что у него испортился револьвер, а именно барабан, куда вкладываются патроны, не вертится. Он тотчас же запирает кругом дом и отправляется к ближайшему кузнецу с просьбой поскорее его исправить, что тот, по незначительности порчи, исполнил сейчас же, и Горский, вернувшись в дом, терпеливо поджидает остальных, которых *исправленным* револьвером и кладет на месте. Он тотчас же был арестован и, по производстве следствия, когда подтвердилось маловероятное его показание, что все это дело рук его одного, был предан суду и, несмотря на несовершеннолетие, приговорен в каторжные работы на пятнадцать лет. Так с тех пор он исчез из глаз общества, и что с ним было впоследствии — конечно, никто не знает. Нам удалось, однако, совершенно случайно узнать его дальнейшую судьбу от некоторых товарищей его по каторге. Во все время нахож-

дения его в тюрьме на Каре он отличался своею угрюмостью и отчужденностью; никто не был для него человеком близким, с которым он мог бы в дурные минуты перекинуться словом, облегчить свое тяжелое горе... Его также все чуждались, и он так одиноким отсидел все девять или десять лет, пока не перечислили его в разряд исправляющихся, то есть пока он не получил возможность жить на воле, близ тюрьмы, отбывая известное количество работы, носящей название «урка», или, по-русски, урока.

В первую же весну его потянуло в лес, в горы, и он, запасшись кое-каким провиантом, вроде краюшки хлеба да горсточки соли, отправился, как и жил, один, не зная ни дороги, ни условий бродяжнической жизни, которой и опытный бродяга-варнак, или по местному «чалдон», боится до смерти и которую избирает как единственный путь к заветному для всех заключенных идеалу — золотой волюшке. Поговорка: «хощь день, да мой» как нельзя более подходит к бродяге, ибо невозможно себе представить, сколько опасностей и лишений в жизни сибирского бродяги. За несколько свободных дней ему зачастую приходится платить такую дороною ценою, что, казалось бы, услышав хоть один рассказ об их житье-бытье в бродяжничестве, никто и не рискнет променять, хотя тяжкую и подневольную, жизнь в тюрьме, на жизнь бродяги, которая ежеминутно висит на волоске. На деле же другое: такие именно рассказы, все содержание которых — одно страдание, за исключением небольших эпизодов, где судьба позволяла временно вздохнуть измученному человеку, главным образом, и влияют на слушателей, возбуждая до крайности воображение их и подстрекая и их попробовать своей доли-счастья: «Ведь вон, Сизых же ушел! Сказывают, теперь в Одессе барином живет и своих не чуждается!» И идут они, бедняги, целыми сотнями с Кары и других «каторжных» мест, идут каждый год, несмотря на то, что большая часть их гибнет, не дойдя до Байкала.

Движимый такой почти стихийной силой пошел и наш герой; на пятый или шестой день он, обессиленный трудным походом и голодом, уже готовился умирать, как и жил, в одиночестве, в глухой непроглядной сибирской тайге, когда на него наткнулась партия тоже беглых, с Кары, человек шесть или семь. Бродяги *никогда* своих не бросают и не выдают; сделали они тут привал, сварили в котелке чай, пообогрели Горского, и наутро, когда он поотдохнул, предложили ему продолжать путь вместе, хотя бы до первых русских поселков; там гурьбой идти опаснее, и они до известного пункта, заранее намеченного, идут всегда вразброд. Конечно, кроме благодарности, с его стороны и быть ничего не могло.

Шли они так вместе дней шесть, малым делом хватили горя, да что ж? «На миру и смерть красна», — издавна говорит русский народ. На седьмой день просыпаются товарищи — глядь, а Горского с ними нет. «Что за притча такая, — говорит старший, — он вечером жаловался, что дальше идти не может, а сегодня поминай как звали? Не заблудился бы один-то?» Во время разговоров об исчезновении Горского стали чай налаживать, нужно дров нарубить, а топора сыскать не могут. Стали осматриваться, и еще кое-чего из их скудного скарба недостает. Горе и злость их взяли страшные: без единственного топора они в лесу теперь как без рук!

Порешили поторопиться, догнать Горского, несомненно укравшего вещи, воротить их, а с ним расправиться по-своему, по-острожному. Не прошли и вторые сутки, как его уже настигли, топор и другие вещи нашли при нем, причем он сознался, что украл их с целью продать в ближайшем селении для покупки хлеба.

Недолог был суд сурового «товариства». Оно сразу согласилось на способ наказания, предложенный одним из членов суда: порешили повесить его на обычной бродяжьей тропе, на видном месте, чтобы другие, проходя, поучались, как «товариство» наказывает за измену своим, но повесить особым способом: они нагнули два молодых дерева, вершинками к земле, к ним привязали за ноги несчастного Горского, и дали им распрямиться. Само собою разумеется, тело его не могло долго противиться деревьям, стремившимся разогнуться, и его, живого еще, буквально разорвало пополам. Историю с Горским мне передавал один бродяга, вновь попавший из бегов на Кару, и который наткнулся на его изуродованный труп на другой день после казни; он слышал подробности от самих участников этого самосуда. Так страшно покончил жизнь человек, проявивший почти в детстве свою чисто зверскую натуру. С его смертью человечество, пожалуй, избавилось от новых страшных преступлений, ибо, судя по его уединенному и мрачному образу жизни на каторге, можно с большою вероятностью предположить, что он не остановился бы ни перед чем для удовлетворения своих хищнических инстинктов.

Лет пятнадцать тому назад мне случилось быть по делам службы в Усть-Кутском солеваренном заводе, более известном под именем «Усолья». Тогда он принадлежал казне, и в рабочие назначались каторжные, как мужчины, так и женщины, число которых доходило до двух тысяч. Завод этот стоит на р. Ангаре, ниже Иркутска на шестьдесят верст. Казалось бы, что подобная близость завода к восточносибирской столице должна была благотворно повлиять на заводские порядки в смысле ограничения произвола местной администрации, которая на других казенных заводах, стоящих обыкновенно в страшной глуши, доходила до невозможного самоуправства. Обилие всякого рода начальства в Иркутске давало мне надежду, что, по крайней мере, здесь я не встречу крупных нарушений закона относительно каторжан, по жалобе одного из которых я и был командирован. Проходя по улицам к заведующему заводу, я, при повороте из одного переулочка, чуть не был сшиблен с ног каким-то щегольским экипажем, мчавшимся во весь дух на паре прекрасных вороных лошадей; в экипаже сидел какой-то молодой господин, прекрасно одетый и весьма красивой наружности; он вежливо приподнял шляпу, как бы извиняясь, что заставил меня попятиться немного назад. Я отвечал на поклон и вскоре добрался до дома заведующего. Дорогой я ломал голову, кому бы мог принадлежать такой шикарный экипаж, так как знал, что здесь богатых купцов нет, а про служащих и подавно говорить нечего. Войдя в гостиную, я увидел хозяина, заведующего Усольем, разговаривающим с тем самым господином, который так меня заинтересовал; поздоровавшись со мной и спросив, не знакомы ли мы, заведующий поспешил познакомить нас, ограничившись одними нашими фамилиями. Молодой человек скоро ушел, и мы остались вдвоем с хозяином.

— Кто это такой? — спрашиваю.

— Некто Вавилов, бывший студент московского университета; премилый человек, очень приличный, — отвечал заведующий.

— Для чего же он проживает в Усолье? Что он тут делает? — продолжаю спрашивать.

— Как что? Да разве вы не слышали его истории? Он обвинялся в Москве в убийстве одного ростовщика и его кухарки и судом приговорен к каторжным работам на 12 лет.

— Так значит, он теперь каторжник?

— Конечно; он всего третий год как у меня. Вас, кажется, удивляет, что я при-

нимаю его к себе? Но, повторяю вам, он очень неглупый, очень милый человек, и имеет хорошие средства; да за него многие и просили меня и из Москвы, и из Иркутска, так что мне и не удачно иначе относиться к нему; еще, пожалуй, беду наживешь.

— А не боитесь вы, что как-нибудь случайно дойдет до начальства, что вы его таким барином держите?

— Вот тебе раз! Да меня начальство просило не стеснять его по возможности... Нет, с этой стороны я совершенно спокоен.

На том и покончилось пока мое знакомство с Вавиловым. Года четыре спустя, служа в одном из забайкальских городков стряпчим, я приехал из округа, куда ездил на несколько дней, и нашел у себя изящную визитную карточку с короной наверху, с фамилией «Вавилов». Спрашиваю человека, как она попала — говорит, что это карточка зятя батареиноного командира, что они оба были у меня с визитом, мне и в голову не пришло, что это тот самый Вавилов, которого я знал в Усолье. В первое же воскресенье, по провинциальному обычаю, я отправился отдавать визит и немало был изумлен, когда мой добрый знакомый, полковник К-ий, представил мне, как брата своей покойной жены, Вавилова, именно того, усольского. Тот, поспешно протянув мне руку, с большой развязностью напомнил мне, что «мы уже встречались». Признаюсь, первая мысль моя была, что К-ий — жертва какой-нибудь мистификации; оказалось же, что он действительно его зять, и что отчасти ради него, по просьбам жены, полковник и перешел на службу в Восточную Сибирь.

— Что же, вас простили? — спрашиваю Вавилова после нескольких общих фраз.

— Нет, мне еще несколько лет нужно пробыть на каторге; да вот он, — указывая на К-ого, отвечал Вавилов, — выхлопотал, чтобы меня перевели из Кары поближе к нему, в Петровский завод (Петровский завод — верст сто от Верхнеудинска), ну, а чтобы не жить там, в глуши, я и предпочел поселиться здесь; здесь, знаете, хоть какое-нибудь да есть общество, а ведь там черт знает что!

— Как же вам управляющий заводом разрешил проживать здесь? Ведь это большой риск с его стороны, да и с вашей: наверное, письменного разрешения он вам не выдал, и вы, при малейшей неосторожности, раз привлечетесь к какому-нибудь делу, должны будете судиться, как беглый каторжник...

— Нет, ничего такого страшного быть не может, — засмеялся он, — зять мой большой приятель управляющего областью, и тот написал управляющему заводу, конечно, частным образом, чтобы тот отпустил меня сюда. На этот счет я совершенно спокоен, а вы вот, как настоящий прокурор, допытываетесь, как и что. Здесь все просто делается: попросит хороший человек другого хорошего человека, — и баста!

Развязность, с которой он объяснил мне здешнюю «простоту», и какое-то панибратство, проглядывавшее у него во всем, — в манере говорить, в позах, правда картинных, но крайне невежливых для разговора каторжного с должностным лицом, презрительные отзывы о местном обществе, в котором было много людей весьма почтенных, пользовавшихся всеобщим уважением, — сразу оттолкнули меня от него. Я не говорю уже о гнусном преступлении, совершенном им в Москве, мотивом которого была только одна цель — нажива.

Наглость его, когда он желал с кем-нибудь познакомиться, была изумительна; некоторые семейства из так называемого порядочного общества, памятью его

прошлом, не имели вовсе никакого желания принимать его к себе, и потому не только не отдавали ему визитов, но даже при встречах на улице делали вид, что его не знают, старались пройти мимо и проч. Это его несколько не шокировало; он смело подходил к этим господам и прямо рекомендовался: «зять К-ого, студент московского университета Вавилов; тогда-то имел удовольствие быть у вас, но, к сожалению, не застал»... и проч. Он завязывал таким образом разговор, не обращая ни малейшего внимания на то, что от него стараются уйти, и когда случалось такой жертве дойти до своего дома или дома близких знакомых, чтобы, наконец, отвязаться от него, он не отставал, а старался пройти в самый дом, пользуясь тем, что все в городе чрезвычайно любили его зятя К-ого и ради него не решались вытолкать в шею наглеца. Мало-помалу он проник всюду и, обладая чрезвычайно красивым лицом, приобрел массу сторонников между дамами и девицами, за которыми ревностно и, к сожалению, не без успеха ухаживал. Подвиги его на этом поприще были таковы, что его едва не выслали из города, но история как-то замялась. Будучи еще в Петровском заводе, он начал ухаживать за очень юной купеческой дочкой-сиротой, у которой все состояние заключалось в небольшой торговле на базаре, где у нее была маленькая лавка. Добившись ее полного расположения, он уговорил ее продать эту лавочку, деньги от нее все отобрал и безжалостно прогнал свою любовь. Девушка с горя наложила на себя руки. Затем в городе он познакомился тоже с молодой, чрезвычайно симпатичной девушкой, сестрой одного известного нашего писателя, обещаясь на ней жениться, и, тоже опозоренную (она вскоре забеременела), бросил. Всеми этими приключениями общество было возмущено, особенно когда на одном вечере он был уличен в шулерстве, и уже решилось ходатайствовать о высылке его из города, как один случай спас его от этого. Неожиданно приехал временно управляющий областью и остановился, по обыкновению, у своего близкого знакомого К-ого. После официального приема должностных лиц и купечества, в частной беседе временно управляющий областью выразил сожаление, что «его молодого друга (он сидел рядом с Вавиловым) общество, по-видимому, недолго любит, что ему это очень жаль, и что он постарается как-нибудь это уладить». И действительно, уладил. На другой день в коляске К-ого управляющий областью вместе с Вавиловым ездил ко всем с визитами и просил «любить и жаловать его друга». После этого было ясно, что о просьбе выслать Вавилова не могло быть и речи. Прошло уже около года со времени его проживания в И-ке, и К-ему пришлось ненадолго съездить в Иркутск. Весь дом, все хозяйство он поручил Вавилову, и тот воспользовался этим, украв более чем на две тысячи вещей К-ого, например, шубы, серебро, ковры и проч., скрылся до приезда К-ого. Кража была вскоре обнаружена прислугой, явилась полиция, начались розыски, и, как исключение, на этот раз удачные: Вавилов неподалеку был пойман и привезен в город. К-ий, желая избежать срама, обратился к губернатору с письмом, в котором заклинал его не давать законного хода делу, дав честное слово, что накажет его сам, и гораздо чувствительнее закона. Тот согласился, и К-ий, взяв из тюрьмы на поруки Вавилова, у себя на дворе наказал его, дав сто ударов розгами и нарядив специально для этого из своей батареи самых дюжих артиллеристов... После экзекуции Вавилов был отправлен им в Петровский завод, до окончания срока работ.

Но и после этого не уgomонился Вавилов: случайно встретив какую-то дуру, золотопромышленницу, лет уже за сорок, он так ее обошел, что она предложила ему место главного управляющего на приисках. Он согласился с условием, что

сначала она заплатит за него долги, которых, по его уверению, у него было до четырех тысяч. Получив деньги, он немедленно скрылся и был пойман по заявлению золотопромышленницы уже в областном городе Чите. Там его судили за кражу и за побег с места работ и отправили уже на Кару. Спустя несколько лет, я наводил на Каре о нем справки, но узнать ничего не мог, кроме того, что он отбыл все года и вышел на поселение, а куда — неизвестно.

Так дальнейшей судьбы этого «сюжета» я и не знаю.

Зиму 18... года мне пришлось провести на Каре. С непривычки это было чрезвычайно трудно, да и зима стояла очень суровая, так что обычные, по должности моей, разъезды по карийским тюрьмам, разбросанным почти на тридцативерстном расстоянии, составлявшие мое главное развлечение, уже не манили меня из маленькой, чрезвычайно низенькой, но теплой комнатки, носившей громкое название: «Квартира и канцелярия г. чиновника особых поручений». Раз как-то под вечер сидел я совершенно один дома и скучал страшно: хозяйки, с которой обыкновенно я коротал длинные зимние вечера, и сына ее, мальчика лет 10, с которым мы часто возились, не было; в качестве акушерки она уехала на практику верст за двадцать, взяв и его с собой. Никто из знакомых не заходил, читать было нечего, ибо в такой глуши, как Кара, и читается по-особому; почта приходит раз в две недели, а по плохой дороге, весной или осенью, и раз в месяц; привезут тебе сразу кучу газет за месяц и больше, журналы, письма. Набросишься на все это, читаешь до головной боли, до бессонницы, и кончишь все очень быстро, а там опять настанет время, злишься на себя, зачем сразу прочел все и ждешь следующей почты с таким же нетерпением, с каким гимназисты ждут каникул, считаешь дни, и вдруг телеграмма на имя заведующего каторжными: «По случаю разлива реки N, почта задержана». Это при мне случалось несколько раз, и всякий раз несказанно огорчало тех немногих обитателей Кары, которые интересовались узнать, что *два месяца назад* произошло в мире... Сидел я и скучал, поджидая, не зайдет ли кто, как вдруг под окнами послышались звуки бубенцов, и кто-то на паре, в больших санях, подъехал к крыльцу; конечно, накинув доху на плечи и нахлобучив шапку, я выскочил на крыльцо, предполагая встретить гостей, но должен был тотчас же разочароваться: приехал какой-то странствующий торгаш, с самым обыкновенным, будничным, так сказать, товаром: простым мылом, сальными свечами, маслом, мороженым молоком, яйцами, кедровыми орехами и проч. В глухую, скучную пору и это явилось развлечением; представлялась возможность провести полчаса в разговоре с заезжим человеком, справиться о ценах на его товар, купить что-нибудь для хозяйства, узнать новости по соседству, словом, убить полчаса. Так как на воздухе было нестерпимо холодно, то я распорядился позвать прасола на кухню, чтобы там, пока он обогреется, побеседовать с ним. Входит, вижу: большого роста, с удивительно широкими плечами и грудью человек с окладистой, густой бородой, занесенный снегом, и с огромным кулем на плечах. В куле он притащил образчики своих товаров. По осмотре кухаркой, или, по-сибирски, «стряпкой», припасов, они оказались отличного качества. В ценах кухарка с купцом несколько расходилась, но он так убедительно доказывал невозможность продать их дешевле, приводя чуть не всех святых в свидетели, что я, наконец, вмешался в их спор и приказал принять от него все, что было нужно. Пока он отвешивал и откалывал, потому что все было мороженое, я не мог достаточно надивиться ловкости его приемов: видно было, что человек с малых лет состоял при этом деле. Когда дело дошло до расплаты, купец, принимая деньги, обратился ко мне:

— Чайком бы угостили, ваше благородие: страсть иззяб; в следующий раз (мы ведь часто сюда ездим) уж угодил бы вашей милости, и рыбки бы захватил мороженой, самой хорошей, с Нерчинского завода.

— Сделай милость, погрейся... А ты разве с завода сюда приехал? — спросил я.

— То есть как вам доложить? По нашему, значит, делу мы по всей округе путешествуем; мы не токмо продаем, и покупаем, что подходящее; в заводе рыбки прихватим, в Аге (Агинская степная дума, резиденция тайши бурят; их считается в ведомстве до 12 тысяч), у бурят, скот, кожи, сало и прочее, их касающееся; тут, по Шилке, больше пушнины ищем; так круглый год и разъезжаем. Доткнешься до города (Читы), продашь тамошним оптовикам, что понабрал, взамен от них возьмешь нового товару, и опять в путь.

— Да много ли товару уложишь ты на воз?

— Нешто возможно-с, — прихлебывая с блюдца горячий чай, ответил прасол, — ведь я сюда приехал на одном возу, потому, извините, место здесь самое бедное; еще продать продашь, особенно господам чиновникам, а уж купить чего подходящего здесь не у кого; остальной обоз у меня остался в Шилке (селение в 20 верстах)... А вы, ваше благородие, должно, не из здешних уроженцев, — приезжий из России?

— Да; почему ты это угадал?

— Ведь видно сейчас; у вас и книг много, и музыку есть (у меня была небольшая гармони-флют), да и разговор не наш, не сибирский.

— А ты сам коренной сибиряк? — спрашиваю.

— Нет-с, а только давно уж здесь, «осибирячился» вполне.

— Откуда же родом? Не земляк ли? Я из Питера.

— Мы из Казани, — почитай, та же Сибирь!

— Как же ты попал сюда? С отцом переселился или сослан?

— Сослан-с. Давно, годов семнадцать назад присужден был к каторге на восемь лет... Вашу Кару знаю во как, — прибавил он с улыбкою.

— За что же? — продолжаю его спрашивать.

— Сказать вам, так вы не поверите, пожалуй; молод был, горяч; товарищи любили меня, возлагали на меня какие-то надежды, что вот-де из него человек выйдет; об отступлении и речи не могло быть, я и полез на рожон, впереди всех; результат: сальными свечами и мылом торгую в Забайкальской области! — прибавил он с горечью.

При этом речь его настолько сразу изменилась, перестав быть прежнею, чисто мелко-купеческою, что я невольно взглянул на него.

— Я все-таки не понимаю, за что вас сослали, — переменив «ты» на «вы», продолжал я.

— Может быть, вы слыхали про Б-ую историю?

— Как же; она наделала довольно шума в свое время.

— Ну-с, так я, будучи студентом третьего курса, принимал в ней самое живое участие; кончилась она очень скоро, не дав нам ничего в результате, а пострадало народу много. Одного из пострадавших вы и видите перед собой. Моя фамилия Кочетов...

— Как же вы так изломали себе язык? Я был убежден, что вижу природного прасола. Ведь вы только под конец заговорили по-человечески...

— Таким делом занялся, что без этого и вести его нельзя. Когда я окончил каторгу, меня приписали на поселение в одну из самых глухих волостей Забайка-

ля, с запрещением выезда оттуда. Что мне было там делать? Работы подходящей, например, места учителя, конторщика, приказчика, наконец, получить решительно невозможно; пахать, заниматься хозяйством — неспособен, тоже потому, что незнаком с самыми элементарными приемами, да и нужно иметь лошадь и всякие штуки, вроде сохи, бороны и проч., чего я не имел. Денег у меня было, когда я прибыл в свою волость, около пятидесяти рублей. Ничего не делая, я прожил бы их в полгода, не более, а затем что? Во время сиденья в тюрьмах меня часто выбирали в артельные старосты, и тут-то я наметался в искусстве распознавать всякие обыденные припасы: муку, крупу, сало, свечи, мыло, словом, все то, чем торгую теперь. Меня обмануть было трудно, и я задумал разъезжать по своей и соседним волостям, заняться куплей-продажей всего этого. Так я и сделал; нанял работника-буряту, вместе с его лошадей, что-то за три рубля в месяц, на моих харчах; в долг, с рассрочкой, приобрел телегу и тронулся в путь. Расчет оказался верным; сначала я больше менял товар на товар, скупал наиболее ценный и не портящийся, как, например, скотские кожи, и продавал их уже гуртом за деньги, с хорошей выгодой, какому-нибудь заезжему купцу, а когда, через два года, последовало мне разрешение разъезжать по всей области, не исключая и городов, то я и мануфактурным товаром занялся, и пошло дело еще лучше... Теперь у меня три, хотя маленьких, лавочки есть в хороших, больших селениях, да занимаюсь скупкой скота, лошадей, так что сам бы мог и не ездить, да уж очень скучно сидеть на одном месте; кроме того, много денег распустил в долг, так что езжу собирать их. Женился на казачке; за нею взял полное хозяйство и живу хорошо... А ведь вы как будто удивляетесь, что бывший студент «кулаком» стал? Да?

— Немудрено удивиться; с этим и вы согласитесь сами; но еще удивительнее то, как вы речь могли так изменить? Вы объяснили ранее, что дело ваше такой речи требует: с простым людом дело по преимуществу имеете, а со мной для чего же вы так говорили?

— Да просто привычка; мне гораздо труднее говорить языком «господским», так сказать. Однако, уже поздно, а мне на среднюю Кару нужно попасть... Прощения просим, за хлеб за соль!

— Пойдите, еще вопрос: читаете ли теперь? — остановил я его.

— Где тут, помилуйте, не до того! Я уже лет шесть и книги в руки не брал! По нашему делу этого не *требуется*, — добавил он шутя.

Несколько раз мы еще встречались, и он всегда был торгаш, и только. Человек не старый, в полном расцвете сил, с образованием, он забыл свою молодость, свои стремления, поставил целью жизни «рупь», и считает себя совершенно счастливым... Но прав ли он?